

ВЛАДИМИР МАЛИК
ПОСОЛ
УРУС-ШАЙТАНА

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

Владимир Кириллович Малик
Посол Урус-Шайтана
Серия «Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»
Серия «Тайный посол», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19944671

*Посол Урус-Шайтана: роман / Пер. с укр. В. Доронина, Е. Цветкова:
ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-06570-4*

Аннотация

В основе тетралогии под общим названием «Тайный посол» – реальные события: эпическая по своим масштабам и значению оборона объединенными русско-украинскими силами Чигирина от турецко-татарских захватчиков в 1677–1678 годах, успешные военные действия запорожских казаков под водительством сечевого атамана Ивана Сирко против Крымского ханства в 1680 году и бои за Вену летом 1683 года. Первый роман тетралогии «Посол Урус-Шайтана». Год 1676-й. Запорожская Сечь. Кошевой атаман Иван Сирко посылает молодого казака Арсена Звенигору с двойной тайной миссией в Болгарию – выкупить из неволи своего брата Нестора и разведать, правдивы ли слухи о готовящемся

вторжении турок в Украину. Не знает Арсен, что вместо того, чтобы пробираться тайными тропами под Варну, суждено идти ему дорогой слез в невольничью Кафу, держа руки в колодках...

Содержание

Часть первая	6
Дорогой слез	6
1	6
2	9
3	21
4	27
5	30
6	45
7	50
На берегах Кызыл-Ирмака	66
1	66
2	79
3	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Владимир
Кириллович Малик
Посол Урус-Шайтана**

© Малик В.К., наследники, 2016

© Доронин В., Цветков Е., перевод, наследники, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Часть первая

Дорогой слез

1

По самому гребню горы двигались двое. Черные сгорбленные фигуры четко вырисовывались на фоне холодного декабрьского неба. В тишине бескрайней степи под солнцем сверкал серебристый снежок, белым покрывалом укутывал землю, цеплялся за разлапистый сухой бурьян.

Замерзшая, вся в кочках дорога неожиданно повернула вниз.

Высокий истощенный старик держался левой рукой за плечо подростка лет пятнадцати, а правой опирался на толстую, суковатую клюку. Споткнувшись о большой ком земли, он чуть было не упал, но мальчик успел удержать. Большая торба из серого полотна, что болталась у старика за спиной, отлетела и стукнула по худому, высохшему телу. Послышался жалобный перезвон струн.

– А черт тебя подери, Яцьку! – сердито пробурчал старик. – Ведешь меня по каким-то буграм и ухабам... Еще кобзу, чего доброго, разобью и ноги поломаю.

– Не поломаешь, деда, – спокойно ответил мальчик, шмурыгая посиневшим от холода носом. – Уже недалеко... Вон и Сечь видно!

– Что ты мелешь? Как это – Сечь? Где?

– Да перед нами же!

– Правда?

Старик остановился и вытянул вперед голову на тонкой морщинистой шее, уставив в синий морозный простор глубокие черные провалы вместо глаз. Из них текли слезы.

В лицо повеяло ветром.

Старик вдруг тяжело задышал и больно вцепился костлявыми пальцами в плечо поводыря. Потом опустился на колени, сбросил кудлатую овечью шапку и склонил пепельно-седую голову в низком поклоне. Из груди вырвался не то стон, не то плач. Вскоре паренек услышал неразборчивое бормотание: старик, наверное, молился.

– Ну пошли же, деда! Не то и замерзнем тут, на этой горке... Насквозь же продувает! – начал упрашивать паренек, вытягивая голову в потертый воротник старой сермяги. – Нашел где молиться... Чай, не в церкви!

Но старик словно не услышал этих слов. Вытер полою заплаканное лицо, встал и несколько раз вдохнул воздух, будто пробовал его вкус.

– И вправду Сечь! – промолвил глухо. – Пахнет дымом из кузни... Горячей окалиной несет... Кузнецы небось передержали железо в горне... И еще печеным хлебом... Слы-

шишь, Яцько?

Яцько промолчал: он ничего не слышал. Только насмешливо покрутил головой: и придумает же такое старый! Окалина... Печеный хлеб... Да до Сечи целых пять верст еще! Намахаешься клюкой... Надышишься в заоченевшие руки... Если бы рукавицы какие-никакие, то терпел бы как-нибудь. А так – хоть плачь! Кончики пальцев так замерзли – болят, как отрубленные... А вокруг голая степь. Ветерок небольшой, но до костей пронизывает.

– Ну, что ж ты молчишь? – рассердился старик. – Или, может, обманул меня, разбойник, что Сечь уже видно? А? Посмеялся над слепым?

– Охота была, – буркнул Яцько. – Сам туда спешу, как к родной матушке.

– А может, это и не Сечь? – допытывался старик. – Скажи мне, ты видишь там реку в лощине?

– Да говорю же – Сечь!.. Вон Днепро блестит против солнца молодым ледком... или водой – кто его разберет отсюда... Блестит, будто серебро!.. А на полуострове – крепость. Хорошо вижу высокие стены с острым частоколом. И башню над воротами... Не разберу только, что там в середине понастроено... Далеко. И ветер слезу нагоняет, чтоб ему пусто было!

Старик дрожал как в лихорадке.

– А церкву... церкву посреди крепости... видишь?

– Еще бы! Вон как блестит золочеными куполами!

– Это она! Мать наша, Сечь! – прошептал старик и направил пустые глазницы в ту сторону, где, как ему чудилось, стояла казацкая крепость. – Добрался-таки! Через двадцать пять годов, а добрался!.. Слепой, никчемный... Но все же помру среди своих, среди побратимов...

Его высокая худая фигура словно застыла на фоне синего неба. Старик чем-то походил на огромную птицу: и протянутая вперед, будто крыло, рука, и большой крючковатый нос, и тонкие ноги в белых холщовых штанах, – точь-в-точь умирающая птица взобралась на скалу, чтобы с нее, с высоты птичьего полета, в последний раз взглянуть на родную землю, которую пришло время покинуть.

– А перед крепостью что? Есть ли там слободка? – снова взволновался он.

– Есть. Вроде села, – большая, красивая.

– И вправду Сечь! – Старик засуетился, заспешил и снова схватил узловатой рукой паренька за плечо. – Тогда пошли быстрее! Не мешкай! Пошли!.. Чтобы до захода солнца там быть...

Яцько подтянул лямку торбы, которая свисала чуть ли не до пят, стукнул клюкой по звонкой мерзлой земле, и они рысцей стали спускаться с горы.

2

Корней Метелица, высокий, дородный запорожец с длин-

ным седым оселедцем¹ и золотой сережкой в правом ухе, отбивался сразу от троих – Секача, Товкача и Арсена Звенигоры. В каждой руке он держал по сабле и орудовал ими так умело, что молодцы, хотя и наседали на старого, с опаской поглядывали на синевато-стальные молнии сабель знамени-того на все Запорожье рубачи. Даром что это только игра: одно неосторожное движение – и острое лезвие рассечет руку до кости, скользнет по темени.

Низкое зимнее солнце склонилось на запад, за высокие, с дубовым частоколом валы крепости и слепило нападающих. Хитрый Метелица намеренно ставил своих молодых противников в невыгодные условия. В бою все имеет значение: и умение выбрать время для нападения, и отступление, если понадобится, и обманный выпад, что подводит врага под удар, и местность использовать, и освещение. Всем этим старый казачина пользовался с непревзойденной находчивостью, к тому же еще подтрунивал над своими учениками.

– Секачик, подтяни штаны, не то потеряешь! Какой же из тебя к чертям казак будет без штанов? Да очкур завяжи покрепче!

Под смех и гогот толпы казаков Секач поддернул левой рукой широкие красные шаровары и, разъяренный, свирепо бросился вперед. Но мощный удар сразу охладил его пыл: сабля вылетела из руки и с лязгом покатила по земле. Се-

¹ Оселедец – в старину у украинцев длинная прядь волос на темени бритой головы (укр.).

кач в растерянности остановился и стал скрести грубыми пальцами выбритый до блеска затылок.

А Метелица спуску не давал.

– Эй, Товкачик, чего разомлел, как линь в ущице? Вертись быстрее, сучий сын! Будь казаком, а не квашней с тестом! – гаркнул он и плашмя огрел саблей по широкой спине неповоротливого крепыша.

Тот споткнулся, как спутанный конь, сплюнул и, вытирая рукавом вспотевший лоб, вышел из круга.

Остался один Звенигора.

Метелица сразу посерьезнел. Отбросил саблю, что держал в левой руке. На изборожденном морщинами и шрамами лице обрисовались синие жилы. По всему видно, что с этим противником он считается.

В толпе тоже стал утихать шум: только теперь начиналась настоящая игра.

Звенигора с ходу ринулся в наступление – от его удара веером брызнули с сабель голубые искры.

Высокий, статный, с темно-русый кучерявым чубом, а не с оселедцем, характерным для запорожцев, он распалился от боя. Худощавое смуглое лицо покрылось мелкими бусинками пота. Темно-серые глаза под выразительными размашистыми бровями блестели от восторга.

Сабли не останавливались ни на миг, под ногами бойцов гудела потрескавшаяся от мороза земля.

Звенигоре хотелось каким-нибудь сильным или хитроум-

ным ударом обезоружить Метелицу или загнать в проход меж хатами, что также означало бы для старого поражение. Он не обращал внимания на то, что его синего сукна жилетка в двух местах рассечена насквозь, а левый рукав белой сорочки алеет выше локтя от горячей крови, – нажимал так, что Метелица вынужден был отступать.

– Ишь, сатана, какой рьяный! – беззлобно басил он: видно, любил молодого казака. – Ну, ну, давай, сынку! Пощекочи бока старому медведю! Но и сам остерегись. Хоть и молод ты и быстр, да Метелицу не просто одолеть!.. Ого-о, я вижу, ты не в шутку задумал пузо мне проткнуть! Побойся бога, хлопец!.. Я еще хочу осушить добрый ковш, а глядишь, и два горилки. А если сделаешь в грешном чреве дырку, то мне останется только слюну глотать, когда другие пить будут...

Дородный Метелица ловко отбил саблю своего молодого противника, которая опасно приблизилась к его действительно солидному животу. Звенигора отступил на несколько шагов, перевел дыхание, затем снова пошел в наступление и прижал старого к самому куреню с крышей из камыша.

Зрители заволновались. Молодые казаки криками и свистом начали подбадривать Звенигору:

– Давай, Арсен! Жми его!

– Выпусти деду Метелице бочонок крови! Это ему не повредит, старому черту, меньше к молодежи будет лазить!

– И вправду! Его не опередишь!

– Го-го-го! Ха-ха-ха!

– Так его! Так! Черт его дери!

– А что, дед Метелица, жарко стало? Это тебе не блох ловить в коухе! Тут надо сабелькой действовать!..

Метелица смахнул рукавом с носа каплю пота. Из его широкой груди вырывался тяжкий свист.

Старые казаки, конечно, были на стороне Метелицы. Маленький, темнокожий, высохший, как вобла, дед Шевчик, подергивая длинные белые усы, скакал сбоку на коротких ножках, подсказывал другу:

– Слева руби, Корней, слева! Не поддавайся молокососу, будь он неладен!

Все понимали, что это шутка, что единоборство закончится мирно возле бочонка с горилкой, но, как и всякая игра, поединок распалил страсти, и зрители горячились не меньше самих бойцов.

Наконец, прижатый к стене, Метелица бросил саблю в ножны.

– Ставь, чертов сын, кварту горилки за науку! И не очень-то нос задирай, что уступил тебе Метелица! – сказал он и строго добавил: – А левых ударов – берегись!.. Дед Шевчик правильно подметил...

Звенигора бросил корчмарю Омельке в кружку для денег серебряный талер. Крикнул:

– Угощайтесь, братья!

Но не успели казаки наполнить ковши, как в воротах появились слепой с поводырем. Из котомки у него выглядывал

желтый гриф кобзы с темными дубовыми колышками. Старик, видно, очень устал, он еле плелся.

– Сюда, сюда, деду! – закричал Секач, любитель танцев. – Выпьешь чарку да ударишь нам гопака!

Поводырь подвел слепого к толпе. Остановились.

– Мы уже в Сечи, Яцьку? – спросил старый.

– Ясное дело. Слышишь – казаки вокруг.

Кобзарь скинул шапку и, чутким ухом уловив дыхание многих людей, уставил в их сторону пустые глазницы. Потом низко поклонился. А когда поднял голову, то все увидели, что по щекам старика текут слезы.

– Неужто я в Сечи, братики? Не верится!

– В Сечи, дед! В Сечи! – зашумели казаки. – Чего ж тебе не верится?

– Долго рассказывать, други... Вот уже двадцать шестой год, как схватили меня крымчаки и в неволю продали. Под самый Цареград... Двадцать пять годков не пил я воды из нашего Днепра... Только рвался к нему!.. За это и очей лишился!.. А теперь, лишь перед смертью, снова в Сечи! Дома!.. Спасибо судьбе, что – хотя и на старости – обратила ко мне лик свой!..

– Ба, ба, ба! – вдруг произнес Метелица. – Случаем, брате, ты не Данило Сом будешь?

У кобзаря по лицу промелькнула какая-то неясная тень, словно он старался вспомнить, где слышал этот голос. Морщинистые руки дрожали, мяли шапку.

Над площадью нависла тишина.

– Разрази меня гром, не узнает, старый хрен! – Метелица ударил кобзаря по плечу. – Метелицу не узнает! Где такое видано? Должно быть, братец, здорово тебе насолили проклятые нехристи!

– Метелица! – Кобзарь широко раскинул руки. – Корней! Побратим дорогой! Какая радость, что первого тебя встретил!

Они крепко обнялись.

А вокруг уже теснились другие старые казаки. Сома передавали из объятий в объятия. Оказалось, что еще многие помнят его.

– Ну, как ты?..

– Откуда? Рассказывай же, Данило!

– Да ты, никак, с того света?!

– Погодите, братья, – произнес Сом. – Все обскажу. Только потом. А сейчас ведите меня к кошевому... У меня к нему дело важное.

– Иди, иди, Данило, да возвращайся поскорее, пока в бочке кое-что есть, а то без тебя осушим! – забасил Метелица и велел Товкачу: – Проводи старого прямо до Серка!

Товкач взял кобзаря за руку, повел через площадь к большому дому с высокими окнами с разноцветными стеклами и широким крашеным крыльцом.

Теперь казаки обратили внимание на поводыря слепого кобзаря.

Яцько стоял в сторонке, не очень вслушиваясь в разговор. Он с восхищением рассматривал Сечь.

Так вот, оказывается, какие они, запорожцы. Даже удивительно, до чего они похожи на крестьян его родной Смеречовки, откуда он сбежал в конце лета. Такие же огрубевшие от работы руки и обветренные, дождями и солнцем выдубленные лица. У большинства поношенные, латанные свитки, кожухи, стоптанные сапоги и полотняные штаны. Лишь немногие из казаков красовались в дорогих панских кунтушах² или новых кожухах по фигуре...

Но в то же время они и отличаются от смеречовских крестьян. У запорожцев смелый, гордый взгляд, которого Яцько никогда не видел у односельчан. У каждого сабля на боку, пистолет, а то и два, за поясом. А на головах овечьи, лисьи или заячьи шапки с малиновыми, свисающими шлычками... Нет, они совсем не такие, как на родной его Гуцульщине!

Потом его взгляд пробежал по длинным приземистым хатам-курениям, почти вплотную прижавшимся к крепостным стенам. Камышовые крыши припорошены мелким снежком. Под ними темнеют узкие, словно бойницы, оконца. Дома войсковой канцелярии и старшин выше, красивее, крытые гонтом³. На другой стороне площади радует взор крашеными стенами и золочеными куполами сечевая церковь.

² Кунтуш – старинный верхний кафтан у украинцев и поляков.

³ Гонт – дранки, дощечки, которыми кроют крыши, вкладывая сточенный конец одной дранки в паз другой.

Заметив, что казаки обратили на него внимание, мальчонка поспешно сдернул шапку, поклонился и хрипло произнес:

– Добрый день, панове казаки!

– Здоров, парень! – ответил за всех Метелица. – Да не зови нас так, какие паны из нас, голодранцев... А паны – там, – кивнул он на дома сечевых старшин. – Понял?

– Понял.

– Правда, кое-кто и из нашего брата прется в паны. Ну, да это не твоего ума дело... А теперь выкладывай, откуда сам будешь. Где с Сомом повстречался?

– Все, все, что спросите, расскажу... Сперва вот мне бы Арсена Звенигору найти.

Казаки удивленно переглянулись:

– Эге, у Звенигоры, вишь, и родич объявился! Да ты-то сам разве его не знаешь, нашего Звенигору? Он здесь, между нами...

– Нет, не знаю... Надо ему кое-что передать...

Звенигора вышел вперед. Царапину на руке он успел залить горилкой и присыпать порохом. Поверх надетого уже жупана на нем был внакидку наброшен кожух, украшенный красивой вышивкой. И жупан и кожух во многих местах залатаны, – не у одного хозяина, знать, побывать успели, пока к казаку попали.

– Что ж ты хотел передать мне, хлопче? – спросил он недоуменно.

– Я из Дубовой Балки, я...

– Ты из Дубовой Балки? – подался вперед Звенигора.

Сердце у него екнуло: там, на берегу Сулы, вот уже третий год живут без него родные – мать, сестра, дед. Не случилось ли с ними чего? Не несчастье какое? Он сжал пареньку плечо:

– Мои с тобой передали что? Как мать?

– Мать захворала. Передали, чтобы прибыл как можно скорее...

– Что с нею? Ты видел ее?

– Нет, не видел. Сестра твоя сказывала, когда мы с дедом Сомом у них ночевали.

– Так ты сам, выходит, не из Дубовой Балки?

– Нет, дядя, из Карпат я... Может, знаешь – из Смеречовки... От пана Верещака убежал... Не слыхал?.. Злющий, аспид!.. Над бедными холопами издевается, как над скотиной!.. А нынче думаю казаковать, если примете...

Но Звенигора уже не слушал парня. Лицо его опечалилось, серые глаза потемнели. Мысленно перенесся в Дубовую Балку. Заглянул в маленькую хатку-мазанку у рощи, склонился над простого дерева кроватью, которую сам смастерил, припал к изголовью матери... Старался представить, какая она теперь... Должно быть, бледная, с мелкими морщинками под глазами, густые волосы рано покрылись белой изморозью седины... Что за лихоманка привязалась к ней? Или тоска по мужу, отцу Арсена, иссушила ее сердце? Застанет ли ее живой? Имел бы коня, дня за три-четыре доска-

кать можно!..

– Бывайте здоровы, други! Не поминайте лихом! До встречи! – Он поворачивался во все стороны и отвешивал поклоны захмелевшим казакам.

Щеголеватый Секач, увидев латки на кожане и жупане товарища, крикнул:

– погоди, Арсен! Скидывай к чертовой матери свои лохмотья! Негоже казаку оборванцем из Сечи ехать! Да разве кошевое товариство не может снарядить тебя как следует? Вот на, держи!

Он быстро сбросил с себя тонкий синий жупан из венгерского сукна и серую смушковую шапку-решетилровку⁴.

– Теперь не стыдно и под венец! – с удовлетворением осмотрел он товарища, натягивая на себя его поношенную одежду. А завидев Товкача, который, ничего не ведая, приближался к ним, громко крикнул: – И первому же, кто посмеет обозвать запорожца горемыкой или бедняком, заткни глотку сабелькой Товкача!

Красноречивый жест в сторону дорогой Товкачовой сабли, сверкавшей на солнце драгоценными камнями, и прозрачный намек, чтобы тот подарил эту саблю другу, вызвали среди казаков смех. Все знали пристрастие Товкача к дороговому оружию. Сам он был, пожалуй, одним из беднейших среди товарищества, ходил в лохмотьях, зато имел богатейшую саблю. Такой даже у кошевого не было.

⁴ Шапка-решетилровка – шапка из карауля овец решетилловской породы.

Товкач захлопал черными воловьими ресницами, однако потихоньку стал отстегивать от пояса саблю. Нижняя губа у него задрожала.

– Я с радостью... Чего ж... Бери, Арсен! – бубнил он. – Нешто пожалею для друга?..

Все видели, что ему все-таки жалко расставаться с саблей, и потешались над плохо скрытым огорчением казака. Метелица весь трясся от смеха и тяжелыми кулаками вытирал слезы. Его толстые мясистые щеки мелко дрожали, а белая мохнатая шапка чуть не падала с головы.

– Ох-хо-хо! Сегодня ночью нашего Товкачика блохи закусуют! С досады не заснет до утра!.. Брось тужить, парень, еще подвернется под твою руку какой-нибудь татарский мурза – и снова займешь такую же игрушку!

А Звенигоре сказал:

– А от меня, Арсен, трубку получиай и кисет! Кури на здоровье!

– Спасибо, батько! Спасибо, друзья! – благодарил растроганный Звенигора.

В этот миг на крыльце войсковой канцелярии появился джура⁵ кошевого.

– Звенигора! – крикнул он – Звенигораа!

– Чего тебе? – ответил казак, одергивая на себе новый кожух.

– Давай живей до кошевого! Не мешкай!..

⁵ Джура – слуга, оруженосец у казацких старшин в XVI— XVIII вв.

Звенигора удивленно посмотрел на товарищей, как бы спрашивая, что там стряслось, но никто ничего не знал.

3

– Бью тебе челом, славный кошевой атаман Иван Серко! – торжественно поздоровался и низко поклонился кобзарь, когда Товкач ввел его в большую, хорошо прибранную комнату войсковой канцелярии и шепнул, что перед ним – сам атаман. – У меня к тебе дело спешное... Неотложное и секретное...

Серко подал знак Товкачу, чтобы вышел, а сам встал из-за стола и сказал:

– Я здесь один, кобзарь... Садись, говори...

Он взял старика за руку и подвел к широкой скамье, покрытой пушистым ковром. Пока кобзарь садился, кошевой отступил назад и оперся рукой о стол.

Это был высокий дюжий казак лет под шестьдесят. Хорошо выбритое лицо с мощным крутым подбородком и прямым носом пышет здоровьем. Из-под изогнутых косматых бровей внимательно смотрят пытливые глаза. Одежда Серко говорила о том, что казак заботится не так о красоте, как об удобстве. Широкие шаровары пурпурного цвета, заправленные в мягкие сафьяновые сапоги, и белый жупан фризского⁶ сукна – вот и вся одежда. На левом боку висит дорогая сабля.

⁶ Фризский (от *фр.* фриз) – из шерстяной ткани с завитым ворсом.

Ото всей ладно скроенной и сбитой фигуры кошевого велю неукротимой жизненной силой, внутренним пылом и необычайной решимостью – всем тем, что в те суровые времена выдвигало человека в ряды военных предводителей.

– Я слушаю, кобзарь. Какое у тебя дело ко мне? – спросил Серко.

Кобзарь поднял желтое, изуродованное лицо, и на его губах мелькнула горькая улыбка.

– Ты не узнаешь меня, Иван?

Серко отрицательно покачал головой, будто слепой мог это увидеть:

– Нет, не узнаю.

– Оно и правда, мы с тобой вместе гусей не пасли... Но все же, если пороешься в памяти, вспомнишь казака Данилу Сома...

– Постой!.. Неужто ты тот самый Сом, что под Берестечком принес Хмельницкому известие об измене татар?

– А как же... Что правда, то правда, это был я, проклятый...

– Почему же проклятый?

– А потому... Не узнай я о тайном отъезде хана и не извести об этом гетмана, может, все повернулось бы иначе... Может, хан не захватил бы обманом Богдана в плен и не завез его аж на Ингулец.

– Ты ведь, кажется, вместе с Хмельницким кинулся тогда догонять хана?

– Гетман взял не только меня. Вся гетманская стража была с ним, когда он погнался за татарами. Многих из нас они завезли в Крым, а там продали туркам... Почти двадцать пять лет не снимали с меня железа. Оно съело меня до самых костей. Вот... – Кобзарь закатил рукав свитки и показал Серко синие рубцы от ран. – Не вытерпел – убежал... Да разве убежишь? На Дунае поймали – глаза выжгли... Только тогда и отпустили... Целый год бродил по Молдавии, покуда добрался до Покутья... А оттуда уж сюда... к тебе... О брате весть принес.

– О брате? О каком брате? – У Серко дернулась левая щека.

– Разве не было у тебя братьев?

– Были... Но они давно погибли! Максим на Тикиче – от татарской стрелы... Сам видел... А Нестор... Хотя... Неужели ты что-то новое принес про смерть Нестора?

– Зачем про смерть? Живой он, живой...

– Жив? – выкрикнул Серко. – Ты хочешь сказать, что видел его? Что он был с тобой вместе в неволе?

– Да, мы были вместе с Нестором в неволе. Последние годы неразлучно.

Серко замер возле кобзаря. Грудь его тяжело вздымалась. Он побледнел, закусил серебристый ус.

– Невероятно!.. Сам подумай, сколько лет мы все считали Нестора погибшим... Его вдова снова вышла замуж... Море воды утекло! И вдруг такая новость! Полковник Яким Чер-

нобай клялся мне, что Нестор у него на глазах погиб...

– Яким Чернобай? – Старик стукнул посохом. – Мерзкий изменник, трус – вот кто он!.. Он бы мог тебе поведать правду про брата, если бы захотел... Но он этого никогда не делает!.. А Нестор мне рассказал, как это было... В бою, когда татары прижали наших, под Нестором упал конь. Чернобай был рядом. Он мог выручить товарища. Стоило только нагнуться и освободить ногу Нестора из-под седла. Но Чернобай плашмя ударил саблей своего жеребца – и удрал... А вскоре подбежали татары и заарканили Нестора. Чернобай брешет...

– Хорошо, садись, Данило, – взял себя в руки Серко. – Не об этом будет речь... Где Нестор? Как вызволить его?

– Последние годы мы все время были у одного богатого турка. Недалеко от Варны, в Болгарии... Село Рудник... Оттуда я бежал... Нестор, наверное, и доселе там.

– Если жив.

– Живой... Он куда моложе меня. И крепче. Что с ним делается?

– Почему же он не бежал с тобой?

– Тогда я пастухом был и жил свободнее. Без надзора. Он работал то в каменоломнях, то на виноградниках. Всегда с надсмотрщиком... Но выкупить его можно. Если хорошо заплатишь, турок отпустит. Нестор не раз повторял, чтобы известить тебя. Он все время надеется на твою помощь! Особенно после того, как услышал, что ты стал кошевым...

– Благодарю, Данило. Ты оказал мне большую услугу.

– Я рад был сослужить тебе службу, Иван... Но слушай дальше – казак Сом принес еще одну важную весть.

– Какую? – Серко удивленно взглянул на старого.

– Ходят слухи, что султан Магомет готовит новый поход на Украину. Разгневался, клятый, что гетман Дорошенко поддался московскому царю и вся Правобережная Украина у турок из рук выскользнула. Думает следующим летом двинуть своих на Чигирин и на Киев...

Серко подскочил с лавки. Нахмурился.

– Где ты такое слышал, Данило? Это очень важная весть!

– В Валахии⁷ и Буджаке⁸ говорят про это... Слухи, конечно... Однако ж дыма без огня не бывает.

– Ты прав... Спасибо тебе еще раз – и за это предостережение, и за новость о брате. Я сделаю все, чтобы вызволить его. Сколько чужих вызволял, а за брата жизнь отдам! За деньгами дело не станет! Вот только как это сделать! Не самому же к султану в гости ехать... Хотя погоди... Есть у меня один казак на примете... Молодой, а по-турецки лопочет, как турок...

Серко позвонил в небольшой серебряный колокольчик, что стоял на столе. Вошел джура.

⁷ Валахия – княжество, находившееся в вассальной зависимости от Турции, впоследствии вошедшее в состав Румынии.

⁸ Буджак – угол, область между устьями Днестра и Дуная, где кочевала Буджакская, или Белгородская, орда.

– Позови Звенигору!

Казак исчез за дверью.

Сом поднялся с лавки, начал рукой нащупывать клюку.

– Да ты сиди, сиди, – мягко усадил его Серко. – Или не терпится к товариству?.. С кем же ты пришел в Сечь?

– С Яцьком. Это поводырь мой... Сирота... Повстречались с ним возле Каменца в одном селе, – невесело усмехнулся Сом. – Сижу я на бревнах под забором, жую сухую горбушку. Вдруг слышу голос: «Дедушка, дай кусочек хлебца». Я чуть не подавился. Эге, думаю, ты еще не нищий, Сом, если нашелся голоднее и несчастнее тебя! Вытаскиваю из торбы краюшку, спрашиваю: «Ты кто такой будешь?» – «Яцько», – отвечает голос. «Откуда и куда идешь?» – «Иду в Запорожье, – говорит. – Убежал от пана». Вот, думаю, сам Бог посылает мне тебя. Казак из тебя не скоро будет, а поводырем можешь быть хорошим. «Ну что ж, Яцько, я тоже иду в Запорожье. Присоединяйся ко мне – всегда сытым будешь, – говорю. – Ты будешь моими глазами, а я тебя хлебом кормить буду... Пока есть кобза и голос – не пропадем». – «Хорошо, дедушка, – отвечает. – Дай еще кусочек хлебца...» Вот так он и прибился ко мне. А теперь стал как родной...

Сом насторожился и замолк: с крыльца донеслось топанье чьих-то ног.

– Поклон тебе, кошевой атаман! – поздоровался Звенигора, войдя в светлицу. – Ты звал меня, батько?

– Звал. Проходи.

Серко внимательно оглядел казака. Его пристальный взгляд уловил перемену во внешности Звенигоры. Заметил он и какое-то беспокойство в его глазах.

– Ты куда-то собрался, Арсен?

– Да, батько, еду в Дубовую Балку. Весть получил – мать тяжело заболела... Проведать хочу.

– Вот как, – сказал задумчиво Серко. – А я хотел обратиться к тебе с просьбой... с великой просьбой... Теперь и не знаю, говорить ли. У тебя теперь и своих забот хватит.

– Слушаю, батько. Говори.

– Хорошо. Только помни: от моего поручения можешь отказаться, ибо дело очень тонкое, а главное, трудное и опасное. Понимаешь?

– Понимаю, – тихо произнес Звенигора. – Какое же дело?

– Хотел послать тебя в Порту⁹. Одного. Тайным посланцем. А что это значит, знаешь сам. Потому еще раз говорю – ты волен не принимать мое поручение.

– Что там надо сделать?

– Выкупить моего брата... Кобзарь поведал – в неволе он,

⁹ Порта – старинное название Турции (*ист.*).

возле Варны... Однако главное задание – разведать, правда ли, что турки готовят нападение на Украину. Слухи об этом есть. А если готовят, то когда, какими силами...

Серко умолк. Внешне казался спокойным. Но нетрудно было заметить, как высоко вздымалась под синим жупаном его грудь. Косой луч солнца прорвался сквозь красное стеклышко витража и упал ему на усы. Седые волосы заблестели, словно их окропили слезы.

– Я поеду, батько, – твердо сказал Звенигора.

Серко стремительно подошел к нему, обнял за плечи.

– Спасибо тебе, сынку! – Кошевой не скрывал, что был растроган. – Спасибо! Тогда не теряй времени, ведь и ты торопишься. Навестишь мать, а уж оттуда – в путь... Дело мое не скорое, успеешь... Сом, расскажи казаку, где найти Нестора. А я приготовлю все, что надо.

Кошевой прошел в соседнюю комнату, что служила ему спальней. Через полчаса появился с небольшим, перевязанным голубой лентой свитком пергамента и старым кожаным поясом.

– Это – письмо мурзе Кучук-бею, – протянул свиток. – Хотя мы с ним не раз рубились в бою, в мирное время он радушный и гостеприимный человек. Мурза пропустит тебя через Орду и выведет к Дунаю. А в Валахии и в Болгарии ты уже сам себе голова.

– Там я ходил с караванами, дорогу знаю. Да и обычаи тоже. Лишь бы татары не заарканили...

– Кучук-бей не позволит. Он мой должник: я отпустил из плена двух его племянников... Такое не забывают. А этот пояс надень на себя под шаровары и береги как зеницу ока! В нем защиты золотые монеты – польские злотые, английские гинеи, испанские дублоны. Думаю, хватит. И для выкупа за Нестора, и тебе на дорогу. Пояс старый, незавидный, но, сам понимаешь, цены немалой...

Пояс действительно выглядел невзрачно – потертый, обшарпанный, но когда Звенигора взял его в руки, то почувствовал его тяжесть.

– Сколько тебе надо времени на сборы? Мне хочется, чтобы ты выехал немедленно и никто не проведал бы о цели твоей поездки. Товарищам скажешь – посылаю тебя с письмом к гетману Самойловичу.

– Чего казаку собираться, – ответил Звенигора. – Я уже готов.

– Вот и хорошо. Конь ждет тебя у крыльца.

– Спасибо. Будь здоров, батько кошевой! Будь здоров, кобзарь! К весне ждите меня назад!

– Удачи тебе, Арсен! – Серко обнял казака и троекратно поцеловал его.

Звенигора затянул под сорочкой пояс, вышел на крыльцо. Джура уже держал за повод молодого горячего коня.

Казак быстро сбежал с крыльца, вставил ногу в стремя и лихо вскочил в седло. Застоявшийся конь затанцевал под ним, запрядал ушами.

Чтоб не вдаваться в долгие разговоры с товарищами, Звенигора лишь на миг остановился возле компании.

– Прощайте! Кошевой посылает к гетману с письмом. По дороге заверну и в Дубовую Балку!

– Счастья тебе, сынок! – прогудел охмелевший Метелица.

Звенигора, не слезая с коня, еще раз поклонился товариществу и тронул поводья. До ворот его проводили Секач и Товкач. Там друзья расстались. Секач и Товкач поспешили назад, чтобы перехватить еще по ковшу горилки. А Звенигора оглянулся, окинул взглядом широкую площадь, шумливую толпу казаков, низкие мазаные курени и выехал из крепости.

5

Первый и второй день миновали без происшествий. Ночевал Звенигора на хуторах у знакомых казаков. Ехал степью, прямым.

Стояла сухая солнечная погода. Морозы ослабели. По утрам холмистая равнина до самого горизонта мерцала сильным инеем, который густо покрывал пушистый ковыль, степной камыш и чахлый колючий бурьян. Днем становилось тепло, иней сходил, и степь сразу чернела, навевая тоску и грусть.

На третий день, в полдень, Звенигора увидел впереди темно-серый дым. Он призрачными выющимися столбами под-

нимался из-за горы и устремлялся высоко в голубое безоблачное небо.

Звенигора подстегнул коня, погнал галопом, пока не выскочил на крутой склон, на котором встал как вкопанный, пораженный неожиданным зрелищем. С холмов сбегал, чернея, голый лес, а внизу, в затишье, отливал желтизной широкий луг. Вдоль ручья взвивались багровые костры: там горел хутор. В небо поднимались бурые столбы дыма. Малиновые языки пламени охватывали приземистые постройки, и над ними дрожало раскаленное марево, пронизанное искрами.

«Татары!..»

Звенигора внимательно посмотрел вокруг. Вон, на другой стороне долины, по узкой ложбине поднимается вверх конный отряд. У казака зоркий взгляд, и он видит фигуры всадников в лисьих малахаях, с луками за спиной. А между ними – пеший ясырь¹⁰: мужчины, женщины, подростки.

Звенигора скрипнул зубами: проклятые людоловы! Разбой, грабежи и порабощение сделали своим ремеслом, что приносит им огромные прибыли на невольничьих рынках Крыма и Турции. Будь с ним сотня казаков, он не задумываясь бросился бы в погоню, чтобы вызволить людей. А что сделает один? Остается только благодарить судьбу, что сам не попал к ним в лапы.

Казак спустился в долину и медленно поехал улицей охва-

¹⁰ Ясырь – пленные воины и гражданское население, захваченные в неволю врагом.

ченного пламенем хутора. Конь настороженно прядал ушами, косил глаза на трупы стариков и детей.

В одном дворе под грушей внезапно поднялась фигура женщины. Звенигора подъехал к ней. Женщина взглянула на него безумными глазами. Возле нее лежали двое детей в белых, залитых кровью рубашонках.

– Ты только приехал, запорожец? Ха-ха-ха! Поздно! Михайлика забрали, малюток убили... Видишь?.. А я стала кукушкой – ку-ку, ку-ку!.. Полечу за Михайликом... До самого Крыма проклятого полечу!.. Ку-ку! Спите, пока вернусь, мои детоньки, ку-ку, ку-ку!..

Ее мысли спутались. Она припала к детям, застонала, как чайка, забилась в глухом рыдании.

Звенигора рванул поводья, ударил коня под бока.

Чем он мог помочь несчастной? Обещать, что казаки отобьют у татар ее Михайлика? Или помочь ей похоронить деток? Она еще долго будет биться над ними смертельно раненной лебедушкой, пока, обессилев, и сама не умрет возле них.

Выехав на холм, Звенигора оглянулся на черную от дыма долину и повернул на север.

Чтоб не встретиться с татарским отрядом, взял немного в сторону от знакомой дороги, поехал окольным путем. Вскоре наткнулся на большое село, в конце которого в излучине степной речки стояла крепость. На свеженасыпанном валу желтел крепкий дубовый частокол. В середине – доброт-

ный дом с разукрашенным крыльцом и деревянными сараями, колодец с высоким журавлем.

«Вот это построил кто-то! – подумал Звенигора. – За такими стенами можно отсидеться не то что от орды – орда не любит брать крепости приступом, нападает на беззащитные крестьянские дворы, – и от кварцяного войска¹¹ и от янычар!»¹².

Он спустился вниз и остановил коня у родника. В ветхом, зеленом от мха корыте голубела прозрачная холодная вода. Конь смаковал ее, цедя сквозь зубы.

По улице проскакали четыре всадника. Передний – в темном жупане из тонкого сукна, с дорогой саблей на боку – показался Звенигоре знакомым. Где-то он уже видел это бледное треугольное лицо с крепко сжатыми губами. Но вот где, припомнить не мог. Сзади мчались слуги.

Подошел пожилой крестьянин с деревянными ведрами на коромысле. Издалека скинул шапку перед казаком, поклонился:

– Дай Бог здоровья!

– Будь и ты здоров! – ответил Звенигора и показал нагайкой на крепость: – Кто это тут замок построил?

¹¹ Кварцяное войско – наемное войско польских королей XVI–XVIII вв. Название произошло от стоимости его содержания – четверти («кварця») доходов короля.

¹² Янычары – отборные привилегированные войска; комплектовались из христиан, забираемых еще детьми в завоеванных странах и обращенных в мусульманство.

– Нашелся такой, – уклончиво начал крестьянин, но, увидев открытое лицо и доброжелательный взгляд, добавил: – Петро Чернобай... Дорошенковского полковника Якима сын... Хотя молодой, а жила! В паны лезет!.. Вот и построил... чужими руками...

«А-а, Чернобай... Так это он проскакал только что», – подумал Звенигора, его-то он действительно встречал и раньше.

Два года тому назад Чернобай приезжал на Запорожье с письмом от правобережного гетмана Петра Дорошенко. Чернобай держался высокомерно, и запорожцы пригрозили привязать его к лошадиному хвосту, если он не уберется ко всем чертям из Сечи.

Видя, что горячие головы могут исполнить угрозу, Серко приказал Звенигоре с десятком казаков проводить Чернобая в степь и там отпустить на все четыре стороны: посланец все-таки!

– Знаю такого, – сказал Звенигора и, вспомнив опустошенный татарами хутор, добавил: – Однако вы напрасно на него в обиде... В окрестностях рыскают татары, в крепости можно переждать лихое время.

– Татары? Где? – Крестьянин вздрогнул.

– Камышовку спалили... Я чуть было не наткнулся на их конный отряд. Всех увели в неволю. А младенцев и стариков перебили...

Крестьянин изменился в лице:

– Спасибо, казак, за весть! Я побегу... Надо тревогу поднимать...

Он бросил ведра на землю и быстро побежал в крепость.

Напоив коня, Звенигора выскочил из села в степь. Гнал коня изо всех сил, не жалел. Было бы глупо попасть в руки татар в самом начале пути. С жеребца летела желтая пена, он тяжело дышал.

Стал придерживать коня только тогда, когда въехал в лес. Узкой тропинкой взобрался на холм и остановился.

Вечерело.

На голой вершине, открытой всем ветрам, стояла старая, почерневшая от времени мельница с обломанными крыльями. Вокруг ни души. Даже дорога и тропинки, вившиеся к ней по лесу, позарастили бурьяном и кустарником. Видно, давно уже не привозили сюда зерна для помола, давно отгрохотали и остановились каменные жернова.

Звенигора привязал коня к обгрызенной коновязи, а сам, вытянув занемевшие ноги, сел на дубовую колоду, прислонился спиной к стене ветряка и закрыл глаза. Почувствовал, как усталость сковывает тело, задремал.

Неожиданно в вечерней тишине послышалось какое-то шуршание и тихие вздохи. Звенигора подскочил и оглянулся... Что за чертовщина! Нигде никого! Неужели притаился кто на мельнице? Или ему почудилось?

Он притих, прижавшись ухом к холодным замшелым доскам. И снова послышался шорох. Потом тихий жалобный

стон. Словно кто-то беззвучно плакал. Звенигора вскочил на ноги и кинулся к дверям. Они были закрыты железной цепью и приперты крепким дубовым колом.

«Странно, – подумал казак, вытаскивая из дерева скобу, – кому понадобилось запирать эту ветхость?»

Двери со скрипом открылись.

– Кто здесь? – спросил Звенигора, входя внутрь.

В ответ – тишина и темнота. Сделал несколько шагов дальше, и серый вечерний свет, вырвавшись из-за его спины, упал на утопанный тысячами ног пол и косматые внутренности ветряка – короб для муки, жернов, узкие ступеньки, ведущие куда-то вверх, опутанные паутиной балки.

– Кто здесь? – снова спросил казак, всматриваясь во что-то темное у противоположной стены.

Оттуда послышался приглушенный стон. Темная грудa зашевелилась. Удивленный Звенигора приблизился и чуть не вскрикнул от неожиданности: на полу лежали три девушки. Руки и ноги связаны веревками, во рту – тряпки. Все трое дрожали от холода, хотя одеты были хорошо.

– Кто вы? Как очутились здесь? – Звенигора вытащил тряпье, разрезал саблей веревки.

Перепуганные, окоченевшие девушки еле поднялись на ноги. Но, пройдя несколько шагов, в изнеможении присели, с тревогой и недоверием поглядывая на незнакомца.

Девушки были очень красивые. И Звенигора начал догадываться, какая судьба забросила их в эту старую мельницу.

Девушки трепетали, как вишенки в грозу.

– Откуда ты? – обратился к русокошой, что сидела поближе.

– Из Чигирина, – тихо ответила девушка. – Поповна я... Меня из дома выкрали какие-то неизвестные...

– А вы? – Звенигора посмотрел на двух чернявых.

– Мы сестры... Из Корсуня... Нас схватили в дороге, когда мы возвращались с братом из Черкасс, где живет наша тетка... Брата убили, а нас вот завезли неведомо куда... И не знаем, что нас ждет...

– Нетрудно догадаться, – тихо пробормотал Звенигора. – Вас хотели продать татарам в гарем... Какие-то мерзавцы связались с татарами и торгуют живым товаром!

Девушки залились слезами. Сестры обнялись, а русоголовая протянула руки к Звенигоре:

– Отпусти нас! Спаси нас!

– Я вас развязал не для того, чтобы держать. Бегите отсюда, да побыстрее!

Девушки снова вскочили на ноги. Однако счастье их было слишком коротким, они не успели даже во двор выбежать. За стеной послышался стук копыт – у мельницы остановились три всадника. Увидев коня и открытые двери, они стремглав спрыгнули на землю и бросились к мельнице, на бегу вытаскивая сабли.

Девичий крик прорезал вечернюю тишину. Звенигора выхватил из ножен саблю, стал в дверях. Несмотря на густые

сумерки, он опознал в одном из тех, кто бежал к ветряку, Чернобая.

Так вот чьих рук это позорное дело! Бывший служака Дорошенко, потеряв господина, который вынужден был сдать-ся на милость царя и гетмана Самойловича, теперь стал настоящим разбойником!

– Стойте! – крикнул Звенигора. – Если вы приехали за девчатами, то ничего не выйдет! Не возьмете! Я не позволю ими торговать! Разве что переступите через мой труп!

– И переступим! – выкрикнул Чернобай и скрестил со Звенигорой сабли.

«Скверное дело: я один, а их трое, – подумал Звенигора, отбивая первый выпад Чернобая. – Совсем скверное... Вот если судьба поможет мне одолеть Чернобая, холопы сами удерут отсюда».

Он стоял на ступеньках, на голову выше противника. Лязг и скрежет сабель разносились в тихом морозном лесу. Сильная и ловкая рука метко отбивала короткие, но опасные выпады Чернобая. За спиной слышались перепуганные крики и плач девушек.

Под натиском Звенигоры Чернобай немного отступил. Его хищное лицо с тонким длинным носом и закушенной губой застыло от напряжения и походило сейчас на маску, из груди порой вырывался натужный хрип. Чернобай, видно, смекнул, что перед ним искусный боец, и сотнику стало душно.левой рукой он рванул ворот кунтуша.

– Жарко стало, Чернобай? Подожди, станет еще и холод-но! – насмешливо промолвил Звенигора, зная, как насмеш-ка выводит противника из равновесия.

– Ты знаешь, как меня звать? – вскрикнул удивленный Чернобай.

– А почему бы и нет? Такого видного казака да не знать! – издевался Звенигора, ни на миг не спуская взгляда с сабли противника. – Запорожцы помнят, как ты приезжал в Сечь от Дорошенко. Жаль, что не снесли тогда твоей головы – не торговал бы теперь нашими девчатами!..

Лицо Чернобая перекошилось, смертельно побледнело.

– Хлопцы! – прохрипел он.

Что-то просвистело в воздухе. Звенигора не успел откло-ниться, и тугая петля сдавила ему горло. Он хотел переру-бить аркан саблей, но сильный толчок свалил его на пол. Парни вырвали саблю из руки, наставили пистолеты. Сзади послышался отчаянный девичий крик.

Тяжело дыша, Чернобай наклонился и прошипел в лицо:

– Ну, собака, попался? Теперь мы поговорим иначе!

Они смотрели в глаза друг другу. Чернобай злорадно кри-вил в усмешке тонкие губы. На его бескровном лице застыло выражение жестокой радости.

Звенигора знал: Чернобай ни за что не оставит в живых свидетеля своего гнусного преступления. И никто не узна-ет, куда делся казак, что с ним произошло. Зря будет выгля-дывать его больная мать из окошка хаты в далекой Дубовой

Балке, напрасно будет ждать известий кошевой Иван Серко...

А Чернобай, словно читая его мысли, цедил сквозь зубы слова, которые терзали сердце, как грязные когти рану.

– Мальчишка! Сопляк! Кому ты вздумал стать поперек дороги? Ха-ха-ха! Чернобаю! – Он говорил о себе в третьем лице. – Надо быть последним дурнем, чтобы решиться на такое! Я вижу, ты уже каешься. Тебе не хочется умирать. Еще бы! Ты уже понял, что за ошибку – стать на пути Чернобая – ты считаешься своей дурной головой! Ты ведь уже жалеешь, что вступился за тех пташек! – Он кивнул головой на ветряк, где один из парней снова связывал девушек. – Тебя мучает мысль, что никто никогда не узнает о твоей смерти... И не узнает! Ты скоро отправишься на тот свет!.. С моей помощью, конечно!.. Ха-ха-ха!..

Звенигора вздрогнул от этого хриплого смеха, как от прикосновения гадюки. Понимая, что терять уже нечего, он внезапно рванулся и ударил врага ногами в живот. Чернобай вскрикнул и кубарем покатился по земле.

Его парни кинулись на Звенигору. Один рукояткой пистолета с размаха ударил по голове, другой, бросив девчат, навалился всем телом, заломил казаку руки назад.

– Не убивайте! – крикнул, корчась, Чернобай. – Я сам!

Парень помог ему подняться. Согнувшись и держась за живот, он медленно подошел к Звенигоре, выхватил из ножен короткий татарский кинжал. Перекошенное от боли и

злости лицо посинело, как у мертвеца, оскалилось неестественно дикой гримасой.

«Куда ударит? В сердце? В живот? Или перережет горло?» – мелькнула в голове казака мысль.

Почему-то совсем не чувствовал страха. Словно не о его жизни шла речь. Тело казалось чужим, деревянным. Только снова в мозгу, как молния, мелькнула мысль: «А поездка в Турцию? Что подумает Серко?»

Ведь он никогда не узнает, что со мной случилось... А мать? Бедная моя!..»

Но Чернобай не ударил. Подержав кинжал в руке, скользнул взглядом по кустарнику и крикнул парням:

– Хлопцы, мигом очистите ровенький граб и хорошенько заострите – посадим эту стерву на кол! Да быстрее!

Парни выхватили сабли и побежали к лесу.

В это мгновение со склона донесся резкий свист. Потом повторился. Кто-то, очевидно, подавал сигнал тревоги...

– Назад! – крикнул Чернобай, и парни подбежали к нему. – Бросьте его на коня! Возьмем с собой. Сейчас некогда. Но, клянусь пеклом, он у меня еще сегодня будет корчиться на колу!

Сопя и ругаясь, парни подхватили Звенигору, взвалили на коня, арканом связали ноги, крепко приторочили к седлу. Потом то же самое проделали с девушками.

Подъехал всадник.

– Что там? – тихо спросил Чернобай.

– Кто-то едет по склону вверх.

– А, черт! Заткните ему рот, а то, не ровен час, начнет кричать.

Звенигоре всунули в рот шершавый вонючий кляп. Дышать стало тяжело. От удара пистолетом гудела голова.

– Ну, айда! – Чернобай вскочил на коня. – Митрофан, береги мне его как зеницу ока. В случае опасности нож под ребро. Чтоб и не пикнул!

Отряд рысью выехал на лесную дорожку, что петляла меж голых деревьев. Никто не разговаривал, только глухо топали копыта.

Вскоре началась степь. Густые сумерки окутывали землю.

Луна еще не взошла, и холодное зимнее небо серым колпаком опускалось сверху.

У Звенигоры затекли завязанные ноги и руки. Вонючая тряпка не давала дышать. Он старался вытолкнуть ее изо рта языком, но только наглотался шерсти.

Дороге, казалось, не было конца. Около полуночи остановились в редком кустарнике. Чернобай пропал в темноте и вскоре возвратился в сопровождении всадника, в котором Звенигора узнал татарина.

– Езжайте за нами, – приказал Чернобай парням, а сам с татаринном поехал впереди.

Они спустились в глубокий овраг, где горел костер. По склонам паслись стреноженные кони. На холодной, промерзшей земле сидели и лежали люди – захваченные в полон

мужчины, женщины, подростки. Возле них с обнаженными кривыми саблями ходили татары-часовые.

Заметив прибывших, от костра поднялись двое, придержали коней у Чернобая и сопровождавшего его татарина.

– Али, – обратился к нему Чернобай, – смотри товар, у меня времени мало.

С этими словами он кивнул парням, чтобы сняли с коней девушек. Бледные от страха и переживаний, они испуганно смотрели на татарина, который зацокал языком и расплылся в радостной улыбке.

– Ай-вай! Якши! Дуже допре! – путал он татарские и украинские слова. – Якши ханум!¹³ Ага¹⁴ знает толк! Недаром моя делал такой опасный поход. Будет чем продавать в Кафу!¹⁵

Он подошел к девушкам, грязными пальцами поднимал их подбородки и, цокая языком, заглядывал в глаза. Несчастные онемели от страха, вздрагивали от омерзения, но Али не обращал на это никакого внимания.

– Ай-вай! Якши ханум, – удовлетворенно повторял он. – Спасибо, мий дорогой труже, спасибо, ага Петро!

– Товар для ханского гарема, – сказал Чернобай. – Плати деньги, Али!

Покрытое оспой лицо татарина сразу стало суровым,

¹³ Ханум – женщина (*тур.*).

¹⁴ Ага – господин, хозяин (*тур.*).

¹⁵ Кафа – Феодосия.

непроницаемым. Глаза сузились.

– Сколько?

– По полторы тысячи цехинов!¹⁶

Али проглотил слюну, словно подавился.

– По пятьсот.

Чернобай отрицательно покачал головой.

– По шестьсот. – Али облизал языком пересохшие на морозе губы.

– Ты выручишь по три тысячи, Али. Я знаю. Таких девчат еще никогда не продавали ни в Кафе, ни в самом Стамбуле. Они стоят больше, чем все твои невольники. – Чернобай скосил глаза в ту сторону, где ясырь. Мне они тоже не даром достались...

– Знаю, каждый охотник, выходя на охоту, рискует... Но денег ты за них не платил.

– Не стоила б овчинка выделки... Так какое твое последнее слово?

– По восемьсот – и ни цехина больше!

– Хорошо, – согласился Чернобай. – Но в случае опасности... сам понимаешь, они должны навек замолкнуть. Я рискую головой!

– Зачем такая разговор! – обиделся Али. – Не маленькая я, знаю. Удар саблей – башка с плечей!

Из-под полы засаленного тулупа достал кошелек, отсчитал деньги, потом кивнул на Звенигору:

¹⁶ Цехин – старинная венецианская золотая монета (*ит.*).

– А этого за сколько?

– Этот не продается, – сердито ответил Чернобай.

– Жаль. Видно, крепкая казак. Дуже допре работника могла стать. Бакшиш за него дала бы большой! Может, продашь?

Чернобаевы парни переглянулись. Один из них крякнул, очевидно желая что-то сказать. Но Чернобай поспешно отрезал:

– Нет, он мне самому нужен. Прощай, мурза. Наш договор остается в силе?

– Конечно. Моя думает, будут еще на Украине красивые девчата? – Али хихикнул. – Прощай, ага Петро! Пусть бережет тебя Аллах!

Чернобай вскочил на коня, еще раз махнул рукой, прощаясь с Али, и небольшой отряд из пяти всадников нырнул в темноту.

6

Промерзшая земля звонко гудела под копытами коней. Шелестел колючий обледеневший бурьян. Щербатый месяц раскачивался посреди неба, словно пьяный, и казалось, вот-вот сорвется и трахнется лысиной об крутой холм. И тогда настанет тьма.

Звенигора знал, что не месяц качается, а он сам колышется в седле. Тело совсем занемело. Туго связанные руки и ноги затекли, он перестал их чувствовать. Жесткий кляп обо-

драл ему и язык и рот, приходилось глотать собственную со-
лоноватую кровь. Нестерпимо хотелось пить.

Его везли на смерть. Он знал об этом. Но где произойдет казнь и какую лютую смерть придумал Чернобай, его уже не интересовало. Лишь бы скорее все кончилось...

У высокого кургана, что виднелся на фоне синего неба, Чернобай остановился.

– Митрофан, на вершине много камней... Пойди принеси каменичку для этого байстрюка. Да не мешкай! – Парень бросился к кургану, а Чернобай обратился к Звенигоре: – Только не думай, чертово отродье, что мы тебя утопим. Нет, голубчик, это была бы слишком легкая смерть для такого... Мы посадим тебя на кол и подождем, пока он вылезет у тебя через горло... Вот какой смертью помрешь, голубчик!.. Зато и на том свете закажешь всем за тридевять земель обходить Чернобая!.. А потом привяжем тебе на шею камень и кинем в озеро, на корм карасям. Чтоб и следов не осталось!.. Ну как? Нравится?.. Нет?.. То-то же!

Он говорил бы и дольше, так как картины предстоящих мук врага доставляли ему удовольствие, но парень вернулся с камнем, и отряд тронулся дальше.

Через час они выехали на торную дорогу.

– Скоро озеро, хлопцы, – сказал Чернобай. – Еще верст пять...

Вдруг он замолк и начал прислушиваться:

– Вы ничего не слышите?

Все остановились.

– Будто всадник скачет, – неуверенно произнес долговязый Митрофан.

– Не будто, а действительно всадник, – подтвердил другой парень, в белом башлыке. – О-о, слышите? Приближается сюда... Кажись, один.

Вдалеке слышался звонкий топот – конь мчался галопом.

– Кто-то спешит в Чернобаевку, – сказал Чернобай и обратился к тому, кто в башлыке: – Отъезжай с этим за кусты, а мы тут подождем – узнаем, кто это скачет...

Хорь дернул коня Звенигоры и остановился тут же, за кустом.

Топот приближался. Вот показалась темная фигура всадника – он мчался во весь опор. В мертвой тишине ночной степи громко звенела мерзлая дорога.

Заметив на дороге незнакомцев, всадник осадил коня.

– Кто такие? – выдохнул тревожно.

– А ты кто и куда направляешься? – в свою очередь спросил Чернобай.

– Я еду в Чернобаевку.

– К кому?

– К Петру Чернобаю.

– Я и есть Петро Чернобай. Что случилось? Что за спешка? Подъезжай сюда.

Всадник подъехал поближе, пристально вглядываясь в незнакомцев, готовый при малейшей опасности повернуть

коня назад.

Но вот Чернобай поднял голову, и месяц осветил его лицо. Из груди всадника вырвался облегченный вздох.

– Ф-фу, так и есть – хозяин! – Он подстегнул коня и приблизился вплотную: – Я от полковника...

– Что с отцом? – вскинулся Чернобай. – Ему хуже?

– Помирают... Просили, чтоб вы немедля прибыли к нему. Едем!.. Дорога каждая минута!

– Матерь Божья! – вскрикнул Чернобай. – Успеем ли? У меня конь совсем загнан...

– Авось еще поспеем. Однако мешкать нельзя!

– Едем! Герасим, ты со мной! А ты, Митрофан, с Хорем... – Он что-то шепнул ему на ухо и с места послал коня вскачь.

Герасим и посланец погнались коней за ним.

Хорь, ведя на поводу коня Звенигоры, выехал на дорогу и спросил:

– Что он сказал, Митрофан?

– Чтоб мы сами сделали с этим все, что надо.

– Черта лысого! Мне надоело таскаться по степи! Было бы хоть за что... Чернобай положил в карман полный кошель денег, а нам – кукиш с маком!.. Вернемся домой – не на что будет и горло промочить.

– Так что ты надумал? – с расстановкой спросил Митрофан. – Порешить запорожца тут и не тащиться к озеру?.. По мне, можно и так. Чернобаю хотелось помучить его, а нам

это ни к чему. Пусть легкой смертью помрет!

– Ну и бестолковый ты, Митрофан, – пробурчал Хорь, поднимаясь на стременах, чтобы хоть немного сравняться с высоким, как жердь, товарищем. – Тебе разжуй и в рот положи!.. Я клоню к тому, что Чернобай за девчат нам не даст и злого. А нам бы неплохо иметь с этой канители какую-нибудь выгоду...

– И каку таку выгоду? – вытаращил глаза парень.

– Давай догоним Али, – быстро зашептал Хорь, – продадим ему этого казака! Ты же слышал – он сам хотел его купить. Как ты думаешь, сколько он даст за него?

– Ты что – сдурел? – испуганно отшатнулся Митрофан. – Чернобай проведает – головы поснимает! У него разговор короткий!

– А откуда он узнает? Нешто сами разболтаем?.. Скажем: так и так... посадили на кол, а потом камень на шею и бросили в воду. Пусть нырнет в озеро, поищет... Попросим Али, чтобы тоже молчал, а этого парня продал куда подальше, за море.

Митрофан заколебался, что-то соображая своим тяжеловесным умом.

– Ну, чего тут долго думать? – не успокаивался Хорь. – Татарин даст за него не меньше ста цехинов. Положим в карман по полсотни. Или у тебя их и так много есть?

– Кой черт! Даже пива не на что выпить. Шинкарю задолжал...

– А так враз разбогатеешь! Али заплатит, не первый раз с ним дело имеем... Едем, пока не рассвело. Если татары снимуться, ищи тогда ветра в поле!

Митрофан почесал затылок.

– Страшновато, правда...

Это означало согласие. Нетвердое, неуверенное.

Но Хорю большего и не требовалось. Он быстро развернул коней и погнал обратно.

...Али долго не торговался. Пощупав мышцы Звенигоры, он понял, что перед ним наилучший товар, и сразу же заплатил деньги. Окоченевшего казака сняли с коня и со связанными руками толкнули в толпу невольников.

7

Пленников гнали пешком. Только молодых красивых девушек, предназначенных для гаремов, везли на лошадях: то был ценный товар. Пожилых женщин и детей не связывали. Зато за мужчинами следили строго: по десяткам привязывали к седлам и тянули, как скот.

Звенигора в своей десятке шел первым; руки связаны за спиной сыромятным ремнем, длинный крепкий аркан во круг пояса неумолимо тянул все вперед и вперед – в Крым, в неволю, на смерть.

На второй день, когда отряд поспешно, чтоб не заметила издалека казацкая стража, переваливал через высокий холм,

впереди встревоженно зашумели голоса.

У Звенигоры радостно екнуло сердце. Неужели запорожцы?

Он судорожно стал оглядывать округу, надеясь увидеть рассыпанный строй всадников. Но всюду только безлюдная даль. Чего же заволновались татары? Что их встревожило?

Вот от отряда отделились пять всадников и галопом помчались в долину. Испуганно вспорхнула из бурьяна тяжелая стая сытых дроф.

Звенигора взглянул в ту сторону, куда помчались всадники, и у него сжалось сердце. На противоположном склоне долины шли два путника. Что-то очень знакомое было в нечетких контурах их фигур. Кто они? Где он их видел?

Тем временем всадники скрылись в долине. Путники остановились: очевидно, заметили татар. Потом быстро полезли вверх. Напрасные усилия! Разве убежишь от быстроногих татарских коней? Разве спрячешься от зоркого татарского взгляда в этой голой, безлесной степи?

Вот один оглянулся, бросил своего товарища и быстро помчался вперед. Задний остановился. Некоторое время стоял неподвижно, будто прислушиваясь к чему-то, а потом, вытянув вперед руки, тоже побежал. Но бежал он как-то неуверенно, неуклюже, спотыкался, падал и все время забирал влево.

«Слепой! – ужаснулся Звенигора. И сразу узнал кобзаря Сома и его поводыря Яцько. – И занесло же несчастных! В

самые лапы степных хищников!»

Их привели, когда отряд пленных спустился в долину.

Яцько плакал и испуганно оглядывался, как загнанный зверек. Сом держался спокойно. Его поставили перед Али. Старик поднял седую голову – шапку он где-то потерял – и уставился на татарина страшными дырами, в которых когда-то были глаза.

Али презрительно улыбался.

– Мальчишку привяжите! Да крепче! Прыткий щенок, еще убежит по дороге... А старика... старика отпустите. Не вести же нам его в Крым!.. Эй, старик, иди себе прочь! Слышишь?

– Спасибо тебе, – глухо промолвил Сом и шагнул неуверенно вперед.

Но в это время, вырываясь из цепких рук татарина, закричал Яцько:

– Дедушка! Дедушка! Куда же ты? А я?..

Услыхав голос Яцько, кобзарь остановился и нащупал рукой тулуп мурзы.

– Отпусти мальчонку, добрый человек, и Аллах не обойдет тебя своей милостью. Он мал еще... Сирота. Ты не много заработаешь на нем. Не бери греха на душу! – умолял он.

– Иди! Иди прочь, гяур! – заверещал Али и ударил старика нагайкой по голове.

Сом схватился за окровавленный лоб и рванулся в сторону. Его длинные тонкие ноги путались в бурьяне как ходули.

Торба отлетала, била по спине. Глухо стонала кобза.

Али схватил лук. Наложил стрелу.

– Деда! Они хотят убить тебя! Беги быстрее! – закричал Яцько.

Али натянул тетиву. Послышался резкий короткий по-свист черной стрелы. Кобзарь споткнулся, взмахнул руками и упал лицом в бурьян.

Татары загоготали. Один из них вытащил саблю, кинулся было к старику, чтобы прикончить, однако мурза остановил:

– Сдохнет и так! Я хорошо попал!

Он подъехал, нагнулся и выдернул стрелу из спины.

– Вонючий пес! Разбойник! Зачем убил дедусю? Что он тебе сделал? А-а-а!.. – закричал Яцько.

Али оскалил зубы. В его узких глазах черным пламенем сверкнул гнев. Широкое скуластое лицо исказилось недоброй усмешкой. Он рванул коня, зло хлестнул Яцько нагайкой по голове. Мальчонка перестал кричать, втянул голову в плечи.

– Беги сюда! – крикнул Звенигора.

Яцько проворно шмыгнул в толпу пленников. Те сомкнули ряд.

Али придержал коня, мерзко выругался.

– Гяур! Собака! – прошипел, отъезжая и давая знак передним трогаться.

Засвистели нагайки, зазвучали резкие гортанные выкрики. После вынужденной остановки татары еще быстрее по-

гнали пленных.

Яцько, дрожа всем телом, прижался к Звенигоре. Испуганно глядели светло-голубые глаза из-под белесых волос, которые нависали на лоб.

– Куда вас понесло, несчастных? – с жалостью спросил казак. – Сидели бы себе в Сечи!

– Дед Сом хотел проведать родных, – всхлипнул мальчик. – Где-то недалеко здесь живут... Вот и доходились! Дед богу душу отдал, а меня, как курчонка, схватили татары... У-у-у!..

Мальчик снова заплакал. Звенигора пытался утешить, отвлечь его мысли. Куда там! У самого в горле стоял горький комок, а на сердце давил тяжелый камень.

...Перекоп проходили под вечер. Огромное холодное солнце катилось над равниной и кровавым светом заливало узкий перешеек. Крым! По-татарски – Кырым¹⁷.

Звенигоре уже приходилось здесь бывать во время похода Серко в Крым, и он знал, что место это называлось «Дорогой слез», «Воротами слез», так как, где бы татары ни взяли ясырь – на Правобережье или Левобережье, на Слобожанщине¹⁸ или в Галиции, на Дону или под Москвою, – они обязательно проводили его через Перекоп. Ханская стража и

¹⁷ Кырым – Перекоп.

¹⁸ Слобожанщина – северо-восточная часть Украины, которую заселяли беглые казаки и ремесленники, не платившие податей.

мубаширы¹⁹, которые постоянно находились в Перекопской крепости, брали за каждого пленника ясак – налог в казну. Здесь конные отряды разделялись на небольшие группки, которые растекались отсюда по всему Крыму. Здесь делили ясырь, разлучая мужей с женами, детей с родителями, братьев с сестрами.

Пока пленники шли по родной земле, они еще не сознавали полностью всей глубины несчастья, что случилось с ними, надеялись то на побег в дороге, то на неожиданное нападение казаков, то кто знает на что.

Здесь теряли последнюю надежду: впереди лежала чужая страшная земля, которая, словно чудовище, пожирала ежегодно десятки тысяч людей и почти никого не возвращала назад.

Из уст в уста передавалось одно только короткое страшное слово: «Крым!» Задрожали даже мужские сердца. Пленники оглядывались назад, где в серой мгlistой дали таяли родные степи, и на глаза им набегали слезы. Запричитали женщины, заплакали дети. Мужчины плакали молча. Слезы падали на сухую, истоптанную множеством ног землю, которая в течение столетий стала бесплодным солончаком. Только горькая рапа²⁰ порою встречалась на ней, да росла удушливо-едкая полынь.

¹⁹ Мубаширы – чиновники, сборщики подати, которые отбирали десятую часть добычи в пользу ханской казны.

²⁰ Рапа – насыщенная солями вода соленых озер.

Никогда не думал Звенигора, что и ему доведется идти по этой проклятой дороге в неволю. А вот довелось! Связанным, грязным, измученным рабом...

После Перекопа еще целый день шли перешейком, и только под вечер Али остановил отряд на берегу большого неприветливого озера с затхлой мертвой водой. Здесь он дал знак делить ясырь.

Поднялся страшный крик. Татары соскочили с коней и начали выстраивать рядами отдельно мужчин, женщин, детей. В лохматых коротких кожухах шерстью наружу, в бараньих и лисьих шапках-малахаях, в несуразных башмаках из телячьей и лошадиной кожи, крымчаки походили на стаю волков, которые накинулись терзать свою беззащитную добычу.

Когда всех пленников выстроили, Али первым отобрал свою долю.

Он еще в дороге присмотрелся к невольникам и взял себе самых сильных мужчин и молодых, миловидных женщин. Два воина неотступно стерегли трех пленниц-красавиц и Звенигору. В долю Али попал и Яцько.

Звенигора обнял мальчонку, вздрагивавшего от плача. Хотел хоть как-то утешить его и снова не смог. Что-то до боли терпкое петлей перехватило горло. Сдерживался, чтоб и самому не уронить слезу. Яцько прижался к груди казака, притих.

На солонцеватой равнине волновалось, рыдало, билось в отчаянии и боли человеческое горе. Женщины цеплялись за

мужей, вырывали из рук захватчиков своих детей. Дети тянулись к матерям, умоляли взять их с собой, вопили. Мужчины пытались порвать веревки и сыромятные ремни, напирали на татар и тут же откатывались назад под свирепыми ударами плетей, от которых лопалась кожа. Плач, крики, стоны, проклятия смешались с руганью и угрозами. Тревожно ржали испуганные кони.

Но худшее было еще впереди.

Когда мурза Али отделил свой ясырь, воины, тесня друг друга, начали выхватывать из рядов более сильных пленников и самых молодых пленниц. Началась такая свалка, что Али выхватил саблю и с криком бросился утихомиривать озверевших соплеменников.

– Остановитесь, дети шайтана! Заткни рот, Шариф, а не то я заткну его саблём! Всем хватит, шайтан бы вас забрал! – кричал он, бегая от группы к группе.

Его глаза дико блестели. Из-под рыжего малахая пылало гневом жирное, в черных оспинах лицо.

К воплям невольников добавилась ругань разбойников, готовых перегрызть друг другу горло.

– Отойти, мурза! Ты уже свое получил, и не лезь к нам! – выкрикнул великан Шариф, неся в обнимку молоденькую русоволосую девочку, кричавшую и судорожно отбивавшуюся ногами. – Лучше отойди!

Он бросил девчушку на землю, наступил на нее ногой и вытащил длинную кривую саблю, всем своим видом показы-

вая мурзе, что будет отстаивать добычу силой.

Али остановился, опустил саблю.

– Тьфу, проклятые собаки! Чтоб вас шайтан забрал! Делите сами, хоть с ума походите!..

Он повернулся и отошел к своей группе, не обращая внимания на гвалт и дикие вопли, раздававшиеся сзади.

А там разгорелся спор между двумя разбойниками из-за подростка, мальчика лет двенадцати. Они чуть было не разорвали его, растягивая в разные стороны. Мальчик кричал, упирался, но не мог вырваться ни от одного, ни от другого и впился зубами в руку татарина. Тот взвыл от боли, затопал ногами, вырвал руку, выхватил саблю и одним махом снес мальчику голову.

– Ха-ха-ха! Забирай его теперь себе! – крикнул убийца отскочившему в сторону сопернику.

Но тот только оскалил зубы в ухмылке, довольный тем, что мальчик никому не достался.

Не желая вмешиваться в распри своих людей, мурза вскочил на коня и приказал трогаться. Несколько его ближайших родственников, вырвавших свою часть добычи, присоединились к нему.

Став меньше почти наполовину, его отряд быстро оставил берег озера и помчался сухой степью на юг, в сторону Кафы.

Отряд разбойников почувствовал себя здесь в безопасности, и пленников развязали. Куда убежишь? Вокруг чужбина, море.

Шли быстро. Останавливались только на ночлег да на обед. Татары ели сырую конину, нарезанную тонкими пластинками и разопревшую под войлочным чепраком на спине коня. Ту же пищу кидали и пленным. Звенигора сначала отворачивался от нее, но голод стал нестерпимым, заставил есть. Закрыв глаза, грыз сырое, в красной пене мясо, запивал из канав, изредка встречавшихся на пути, горьковатой мутной водой.

Наконец сверху открылось бескрайнее море и показался большой город с высокими стройными башнями минаретов. Али остановил отряд, снял с шеи пештимал²¹, разостлал на земле, стал на колени, – долго молился, благодаря Аллаха за счастливый поход на неверных.

Кафа встретила их шумом приморского рынка, запахом рыбы и жареной баранины.

Али погнал свой живой товар в караван-сарай. На следующий день бойкие горластые цирюльники-греки постригли и побрили мужчин, а слуги принесли на деревянных подносах вареную баранину, густо приправленную перцем. Теперь Али не скупился на еду: сытый, неизможденный раб ценился на рынке значительно дороже. Женщин он приберегал на будущее. Их еще нужно подкормить, принарядить, а некоторых и заново одеть, особенно пленниц Чернобая. Перед тем как вести на базар, цирюльники натрут их маслом и пахучими травами, подровняют брови, положат под глазами легкую

²¹ Пештимал – шарф (*там.*).

голубоватую тень.

Али хорошо знал, как продавать товар для гаремов, и надеялся получить солидный барыш. Сегодня же вывел только мужчин и подростков.

Широкая базарная площадь на берегу залива была вся запружена народом. Шумная пестрая толпа прибрежных и степных татар, греков, турок, венецианцев, караимов, абхазцев бурлила, гоготала, куда-то спешила, что-то покупала и продавала.

Горный хребет защищал город от холодных северных ветров, и, несмотря на то что стоял декабрь, здесь было тепло и тихо.

Вся левая сторона базара – невольничья. От города ее отделяла высокая каменная стена, выложенная из ноздреватого белого известняка. Вдоль стены в землю вбиты колья. К ним привязывали невольников.

Живого товара было не много, и довольный Али подметил, как за его обозом ринулась гурьба покупателей.

Расторопные слуги быстро попривязывали мужчин к столбам. Они старались: мурза пообещал каждому хороший бакшиш – вознаграждение.

Звенигора был крайним. Его соседом слева оказался плотный бородатый человечище. Несмотря на зимнюю пору, он был до пояса голый и зябко кутался в сермягу, наброшенную на плечи. Из-под пшеничной копны взъерошенного чуба выглядывали огромные голубые глаза.

– Греемся, батька? – невесело спросил Звенигора.

– Греемся, сынок, – усмехнулся бородач, сверкнув белыми крепкими зубами. – А с чего так величаешь? Откуда ты взял, что я старше?

– Кто тебя знает, – ответил Звенигора. – У нас в Запорожье даже деды бреют бороды. Ты, я вижу, русак?.. Откуда, брат?

– Донской казак я. У нас борода – дело обычное.

– Тогда мы действительно братья. От Дона до Запорожья – рукой подать.

– Давно с Украины?

– Две недели. Все время были в дороге.

– Я тоже. В Кафу пригнали только вчера. А куда дальше погонят, кто знает... Видишь, эвон откормленный турок прется? Чего доброго, купит и загонит в Туретчину! А оттуда попробуй не то что убежать – даже подумать о доме!.. Нет, лучше б сразу погибнуть, чем мучиться на их каторге²² или подыхать рабом на камнеломнях Египта!

– Не каркай, друже, не кликай беду, она сама нас найдет. Дончак угрюмо улыбнулся.

– А-а, наверное, кто-то раньше накаркал. Какая еще беда может быть горше? – Он приподнял свои связанные руки. – Нет ничего хуже татарской или турецкой неволи!

– Всякая неволя хороша, чтоб ее век не видать! – сказал Звенигора и добавил: – Гляди, купец сюда направляется...

²² Каторга – то же самое, что галера – старинное гребное многовесельное судно.

Заметил, старый коршун, где добычей пахнет!

К ним приближался богато одетый толстый турок в тюрбане. За ним степенно выступали два дюжих телохранителя.

Хозяин донского казака и мурза Али стали издали кланяться богатому покупателю, наперебой зазывая к себе.

– Ага, прошу сюда! – выкрикивал Али. – У меня все невольники, как дубы! Каждый за двоих отработает! Отдам дешево! Вот пощупайте мускулы этого запорожца – они как из железа! Не обходи мой товар, высокочтимый ага, такого больше ни у кого в Кафе не найдешь!

– Посмотри, эфенди²³, на этого казака! – взывал сосед Али, указывая на полуголого дончака. – Это дикий степной тур! Сила его неизмерима! Умеет ухаживать за конями и домашней скотиной! На каторге будет грести за троих! Пожалеешь, если не купишь такого батыра!

Турок подошел к пленникам Али, начал ощупывать груди и руки невольников, заглядывал в рот, будто коням. Телохранители отводили в сторону тех, кого облюбовал их хозяин. Яцько забрали тоже.

Перед Звенигорой турок остановился, вытер роскошным шелковым платком жирный выбритый затылок. Ему было лет сорок, но чрезмерная полнота старила его. Он прищурил припухшие веки и положил тяжелую руку на плечо казака.

Звенигора нетерпеливым движением сбросил ее, как что-то мерзкое.

²³ Эфенди – высокочтимый; титул гражданского чиновника (*тур.*).

Турок вспыхнул от гнева. Вытаращив мутные глаза, готовые выскочить из орбит, он сжал кулак и что есть силы ударил невольника в лицо.

Ярость затуманила разум Звенигоры. Вне себя рванулся вперед, даже веревки затрещали. Покупатель отшатнулся, вскрикнул, но было поздно. Могучий удар головой в левую скулу свалил его на землю. Турбан купца слетел с головы и упал в пыль.

Все это произошло так неожиданно – даже для самого Звенигоры, – что на какой-то миг все остолбенели. Али побледнел и судорожно шарил у бока, ища рукоятку нагайки. Телохранители кинулись поднимать хозяина. Невольники притихли, с ужасом глядя на перекошенное от злобы лицо турка и на Звенигору, который, тяжело дыша, отошел под стену.

Первым опомнился купец. Его увесистая нагайка обвилась вокруг головы Звенигоры. За ухом у казака лопнула от удара кожа, по шее потекла кровь.

Потом подскочили телохранители. Сбили Звенигору с ног. Он закрыл лицо руками, чтоб не выбили глаза. Кто-то сорвал с него жупан. Кожух, в котором было зашито письмо Серко, забрал Али еще в караван-сарай. Удары сыпались непрерывно... Плети рвали сорочку и тело. Звенигора подкатился под стену, чтобы хоть чуть уменьшить силу ударов. Но телохранители стали возле головы и ног, как молотильщики на току – напротив друг друга. Теперь стена не мешала

им. От вида крови, выступившей на спине казака, они озверели и били смертным боем.

Звенигора извивался, как уж. Сцепив зубы, чтобы не кричать, только глухо стонал.

Али хватал купца за руки, кричал:

– Ага, кто мне заплатит за невольника? Они же забьют его насмерть!..

Дончак внезапно оттолкнул Али и упал на окровавленно-го Звенигору, закрывая его своим телом. Сермяга свалилась у него с плеч. Несколько ударов сразу провели багровые полосы на белой спине. Хозяин кинулся к нему, чтоб оттащить: может пропасть ни за что такой сильный раб! Но тут вмешался турок. Он уже надел тюрбан и мрачно наблюдал, как избивают невольника.

– Осман! Кемаль! Хватит! Вы забьете его до смерти. Оставьте немного и для меня. Я куплю его... И этого тоже, – показал он на дончака. – Сколько они стоят?

Телохранители опустили плетки, отошли, переводя дыхание.

Али вмиг стал услужливым и хитро прищурил глаза. Кажется, Аллах помутил разум купца, можно нагреть руки. И он заломил такую цену, что сосед только ахнул: ай-вай! Но тут же запросил за дончака столько же.

Турок не торговался, сразу отсчитал деньги за обоих невольников.

Дончак помог Звенигоре подняться.

– Спасибо, друже, – тихо промолвил запорожец. – Как тебя зовут?

– Роман... Роман Воинов. Туляк я, а стал донским казаком... Удрал от немца-барона на волю, а попал в турецкую неволю... Эхма!.. Дай я тебе кровь оботру – ишь как уходили, проклятые! Кожа клочьями висит...

Роман, как сумел, перевязал сорочкой спину Звенигоре, набросил на плечи жупан.

В тот же день их загнали на большой сандал²⁴ – быстроходный парусник – и заперли в тесном вонючем трюме. Здесь было темно, сыро, разило плесенью и овечьими шкурами.

²⁴ Сандал – парусное судно (*тур.*).

На берегах Кызыл-Ирмака

1

За несколько дней, пока корабль плыл к Турции, Звенигора стал приходить в себя, спина покрылась шершавыми струпами и начала зудеть. Это был верный признак того, что раны заживают.

Подплыли к маленькому турецкому городку, и невольников вывели на палубу.

С моря дул холодный ветер, швырял в лица людей колючую изморось и соленую морскую пену. Почему-то долго не спускали трап.

С кормы долетали возбужденные голоса капудан-аги²⁵ и владельца рабов Гамида. Сначала Звенигора не обращал внимания на их разговор, но потом стал прислушиваться.

– Не нужен мне невольник! – раздраженно кричал капудан-ага. – Мы договаривались, Гамид-ага, что ты заплатишь мне деньгами!

Гамид настаивал на своем:

– Не рассчитал я, капудан-ага. Потратился в Кафе. Дорога мне еще далекая – деньги нужны. Ты ничего не теряешь. Вот часть платы деньгами, вместо остальной выбирай себе какого

²⁵ Капудан-ага – капитан (*тур.*).

хочешь раба. Продашь – получишь деньги. Еще с барышом будешь...

– Не нужен мне барыш! Раб сдохнет или убежит, и я останусь в дураках. Заплати мне мое – и освобождай корабль! Если б знал я, ага, что ты такая дрянь, то не связывался бы с тобой!

– Привяжи свой язык, капудан-ага, а не то потеряешь! – повысил голос Гамид. – Так вот: бери раба! Не хочешь – ничего не дам!

– Это на тебя похоже! Давай! Шайтан не брат – с ним по-доброму не договоришься! Только сам выберу...

– Я давно тебе об этом твержу, а ты, как ишак, уперся!

После обмена этими любезностями капудан-ага и Гамид сошли с кормового мостика. Остановились возле невольников.

– Этого, – ткнул капудан-ага пальцем в грудь Романа. – И убирайся ко всем чертям с моего корабля!

Телохранители Осман и Кемаль поволокли Романа снова в трюм.

– Прощай, Арсен! – крикнул дончак. – Не поминай лихом! Удастся вернуться домой – передай в станицу Бобровскую.

За ним с лязгом захлопнулась ляда²⁶.

По шатким доскам невольников свели на берег. Здесь же, в небольшой закопченной кузне, всем на руки надели кандалы. А Звенигоре – еще и на ноги. Только Яцько остался

²⁶ Ляда – крышка люка (укр.).

незакованным.

Выступили в полдень. Гамид ехал на коне впереди каравана, состоявшего из десятка ослов, нагруженных покупками. За невольниками следили Кемаль и Осман. Комичную картину представляли со стороны эти длинноногие верзилы, горбившиеся на маленьких осликах. Однако длинноухие, с торчащими ребрами животные будто не чувствовали их веса и потихоньку топали, кивая головами.

Как-то под вечер, на седьмой день пути, караван Гамида спустился с плоскогорья в широкую долину и направился к мрачной, выложенной из дикого неотесанного камня крепости, что стояла на холме, недалеко от широкой и бурной реки.

Гремя кандалами, невольники в сопровождении надсмотрщиков прошли через узкую дверь в воротах крепости и остановились под развесистым орехом, который одиноко стоял посреди каменных стен. Утомленные долгой изнурительной дорогой, они сразу же опустились на холодные каменные плиты, которыми был вымощен весь двор.

Молчаливая крепость сразу наполнилась шумом и гамом. Засуетились на внутренних галереях дома женщины в темных одеждах, завизжали от радости, ожидая подарков, дети, которые, словно стайка воробьев, высыпали навстречу Гамиду. Выбежали слуги.

Звенигора безучастно смотрел на чужую жизнь. Ныли натертые железом ноги, нестерпимо хотелось пить. Услышав,

что где-то журчит вода, он поднялся и заглянул через колючую живую изгородь, отделявшую от остального двора небольшое местечко. Там в большой каменной чаше бурлил прозрачный родник. Вода спадала в обросший мохом желоб, накрытый каменными глыбами, и по нему, очевидно, вытекала за границы замка.

Казак вышел из толпы, стал на колени над родником и зачерпнул пригоршнями холодную как лед воду. Она была немножко горьковата, словно настояна на зверобое, и тоненькими иголочками покалывала во рту.

Вытерев рукой темное, обросшее лицо, Звенигора стал подниматься. Внезапно прозвучал крик:

– Берегись, Арсен!

Оглянуться не успел: тяжелая нагайка хлестнула по голове. От неожиданности и боли он чуть не упал в воду, но кто-то сзади схватил за складки жупана и оттолкнул в сторону. Нагайка снова и снова со свистом прорезала воздух.

– Поганый гяур! – шипел над невольником Гамид. – Ты осквернил источник, из которого пьют правоверные!.. Но ты еще посягал на мою жизнь! О, хорошо запомнил я тебя! – Он невольно потрогал щеку. – Запомнил так, что ты долго будешь жалеть, что не сдох до сих пор! Тебя стоило повесить за эти две провинности, но смерть – не наибольшая кара. Вот когда твоя жизнь станет нестерпимой и ты сам захочешь отойти в лучший мир, тогда ты поймешь, о чем я сейчас говорю, собака! А теперь прочь с моих глаз!

Гамид снова ударил казака нагайкой, и тот кинулся в толпу невольников, которые прикрыли его собой.

Надсмотрщики загнали их в глубокий мрачный подвал под домом. Сквозь маленькое зарешеченное оконце под самым потолком пробивался пучок серого света. Где-то шуршали крысы. С каменного потолка и со стен стекали струйки ржавой воды.

Невольники сгрудились посреди погребка.

– Вот тут нам, ребята, и могила, – глухо промолвил один из невольников, называвший себя сыном крестьянским – Квочкой. – Хорошенькую хату приготовил для нас проклятый турок, чтоб он пропал! Даже соломки подстелил, чтоб не отлежать бока. И солома небось гнилая... Так и есть! Тут еще и до нас полоненные жили. От них и осталась... – Он со злостью пнул ногой кучу ячменной соломы.

К великому удивлению невольников, оттуда послышался хриплый голос, словно захрюкал больной поросенок.

– Какая там зараза толкается? Ты что, ослеп или буркалы тебе засыпало? Не видишь, что тут люди спят?

– Тю на тебя! – воскликнул удивленный крестьянин. – Откуда ты тут взялся, леший тебя побери? И кто ты такой, что по-нашему гуторишь?

Куча соломы зашевелилась, и из нее вылезло какое-то странное существо.

Невольники со страхом разглядывали незнакомца.

Он стряхнул с себя солому, и все увидели худощего, исто-

ценного человека с глазами, горящими болезненным блеском. Сквозь лохмотья просвечивало желтое костлявое тело. От холода он клацал зубами.

– Что? Хорош? – вдруг хрипло засмеялся он. – Что, смотреть страшно? Не бойтесь, скоро сами такими станете... Пробудете, как я, лет десять в этом, богом и людьми проклятом месте, кто знает, выживете ли. Был и я когда-то такой же, как вы, молодой, сильный... А теперь одна кожа да кости. Как повернусь в соломе, будто сухари в мешке гремят.

– Как же тебя звать, человек? – спросил Звенигора.

– Звали когда-то Свиридом Многогрешным... Не знаю, кто из моих предков так много нагрешил, что прозвище такое пристало к нашему роду. Но кто бы что ни нагрешил, а расхлебывать за всех приходится мне.

– Так ты родич гетмана Демка Многогрешного?

– Было когда-то... Было, – неопределенно ответил тот.

– Сколько ж тебе лет, дед?

– Лет? Хе-хе! – скривился в усмешке бесцветный рот. –

Лет мне всего сорок...

– Не может быть!

Звенигоре вспомнилось, что Метелице под шестьдесят и он мог еще кулаком оглушить вола. А этот от ветра качается.

– Посмотрим, что с тобой будет через десять лет, когда Гамид выжмет все соки, всю силу, когда руки твои повиснут как плети, и зубы выпадут изо рта, и суставы распухнут на ногах, и вши тебя заедят, как паршивое поросся... Вот тогда

ты вспомнишь Многогрешного: правду, мол, говорил бедолага...

– Мы и так тебе верим. Видать, что спишь ты не мягко да, должно быть, и ешь не сладко...

– Тут тебя накормят! Догонят да еще и добавят! – Многогрешный засмеялся.

Он трясся от смеха, от кашля и от холода сразу. В косматой бороде торчали колючие остюки. Острые колени подгибались; казалось, что они вот-вот переломятся и этот мешок с костями с грохотом свалится вниз.

Все стояли молча, понурившись. Каждый воочию увидел свое будущее. Квочка тяжело вздохнул, начал причитать:

– Боже мой, боже, пропала моя головушка!..

Звенигора оглянулся на него, строго прикрикнул:

– Ну, нечего нюни распускать! И без того кисло. А если еще каждый будет хныкать, то мы и вправду богу души отдадим в этой вонючей яме.

– Да я ничего, – начал оправдываться Квочка. – Просто на душе заскребло...

– Всем нелегко... Но и казак не без удачи. Глядишь, и вывернется когда-нибудь!

– Болтаешь пустое... Я тоже так когда-то думал, – прошамкал Многогрешный. – Все надеялся – убегу... Дудки!.. Куда к черту убежишь? Куда пойдешь, когда до моря недели две хода и на каждом шагу тебя схватить могут! Если и до моря доберешься, то что? Нешто перепрыгнешь или по воде

перейдешь?

Звенигору стала разбирать злость. Это пугало, стоящее одной ногой в могиле, хочет сеять в их сердцах неверие, тянуть всех за собой... Нет, не выйдет! Они еще молоды, сильны и не должны терять надежды. Не зря говорят: надежду потерял – все потерял.

Сдерживая раздражение, он взял Свирида за плечи и мягко сказал:

– Ты вот что, дядько Многогрешный, полезай обратно к себе в нору и не болтай лишнего. Не растравляй наши сердца. Нам и без того тяжело...

Почувствовав, что Многогрешный пытается упираться, Звенигора легонько подтолкнул его сзади, и тот покорно полез в свой угол. Кто-то притрусил его лежалой соломой.

Утомленные многодневной дорогой, невольники начали устраиваться на ночлег. Ложились вповалку, прижимаясь друг к другу, чтоб было теплее. Вскоре свет в окошке совсем померк, стало темно. От множества тел, от тяжелого дыхания в погребке стало тепло, даже душно. Всех стал придавливать сон.

Но заснуть не удалось. Снова открылись двери, и наверху зазвенели кандалы. В погреб спустилось еще несколько человек.

Кому-то наступили на ноги. Послышался стон.

– О, холера ясна, – выругался по-польски какой-то, судя по зычному голосу, верзила, – тут уже полно непрошенных

гостей! Грицько, высеки огонь, зажжем свечку.

Из-под кресала сверкнули искры. Вспыхнул желтый огонек и осветил мрачные черные фигуры. Впереди стоял высокий человечине с жесткими, острыми, как спицы, усами и большим крючковатым носом.

– Разрази меня гром, – снова загремел великан, – если эти новички, эти хлопы не заняли моего места! Это же такое свинство – припереться в чужую хату и занять лучший уголок, проше пана! Эй, хлоп, – толкнул он ногой Квочку, скрючившегося в углу, – освобождай место!

Тот сонно хлопал глазами. Недовольно буркнул:

– А ты что за птица?

– О, стонадцать дзяблов!²⁷ Он еще спрашивает! Здесь каждый знает пана Спыхальского... Потомственного шляхтича! Я был войсковым товарищем маршалка²⁸ Яблоновского, проше пана! А какой-то хлоп смеет называть меня птицей! Га?!

– Ну и что с того, что ты войсковой приятель маршалка Яблоновского? Невелика цаца! А я вот Гервасий Квочка... Слыхал?

– Не приходилось, проше пана, – на минуту смутился пан Спыхальский.

– То-то и оно! Ты про меня не слыхал, а я про тебя не слыхал. Не знаешь, что за человек перед тобой, а кричишь!

²⁷ Дьявол (пол.).

²⁸ Маршалок – начальник войска, а также предводитель дворянства (пол.).

Негоже так, пан.

– Так, проше, кто же вы будете?

– Бывший холоп твоего любимого маршалка Яблоновского, чтоб его гром сразил! Потом вольный крестьянин, хлебороб, так как бежал я из Закопаного на свободные земли... Теперь и ты и я – рабы турка Гамида. Выходит, мы одного поля ягоды... Так что не важничай, пан, а ложись рядом в эту берлогу и спи, если хочешь спать. А нет – ложись там, где стоишь, и не мешай людям сил набираться.

– О Матка Боска! – подскочил пан Спыхальский. – То пан есть земляк? Из Закопаного? Что же пан сразу не сказал? Прощу прощения, пан Квочка. Что нового в Закопаном?

– Как давно пан оттуда?

– Уже два года.

– А я – четыре... Так что пан мало от меня узнает про своего маршалка... Разве что пану интересно послушать, как я с товарищами когда-то отдубасил пана маршалка розгами...

– О! Как то было?

– А так. Надумал я с друзьями бежать в степи. Но не хотелось расставаться с паном не попрощавшись. Надо вам сказать, с ним была у меня сердечная дружба: он частенько гладил мою холопскую спину плетьюми, а я пускал иногда на его стога и скирды красного петуха. Как раз случилось так, что должок за мной оставался. Как же уйти от пана, не рассчитавшись с ним? Вот я и подговорил хлопцев подстеречь пана. Встретили мы его у самой Матвеевой пасеки. Пан Спы-

хальский помнит тот лесок в долине, что по дороге из Закопаного к хутору Круглик?

– О так! Разве можно забыть то райское место? Во всем Прикарпатье, наверное, не найти красивее. Самой природой, проще пана, оно создано для любви...

– Вот то-то и оно, так же думал и пан маршалок. И не только думал, но и был влюблен там в женку одного шляхтича, что жил вблизи Закопаного. Вот мы и подстерegli его, когда он к ней ехал верхом. Один схватил коня, придержал, а я с товарищем стянул ясновельможного пана на землю, содрал с него штаны, положил голым пузом на муравейник, а с другой стороны хорошенько всыпал березовой каши...

– Сто дзяблов! Мерзавец! – возмущенно воскликнул пан Спыхальский. – Как же ты посмел издеваться над паном маршалком? Над потомственным шляхтичем! Да за это тебя, хлопа неотесанного, повесить мало! Изрубить на мелкие куски! Подумать только – не как-нибудь, а на муравейник... Да еще и березовыми прутьями!.. Как простого хлопа...

Все проснулись и слушали, как с чувством ругался разгневанный и оскорбленный за своего сюзерена шляхтич. Звенигоре было смешно: пан Спыхальский явно забывал, что сейчас он не потомственный шляхтич, а раб.

Гервасий Квочка тоже усмехнулся в бороду. Было заметно, что его забавлял этот разговор.

– Но я же только возвращал долг, милостивый пан, – сказал он спокойно. – Сам Господь Бог завещал не оставлять

неоплаченными долгов наших!...

А еще завещал он оплачивать око за око и зуб за зуб...

– Не в меру ты мудр, пан Квочка! – сердито выкрикнул Спыхальский. – Пана маршалка – и вдруг на муравейник! Гром на твою голову! Чтоб тебя болячка задавила, разбойник паскудный! На кол тебя посадить бы, негодяя, чтобы знал, как потешаться над ясновельможным паном!

Он сыпал проклятия, ругань и чуть было не бросился с кулаками на крестьянина. Гремя кандалами, свирепо тарашил глаза, дергал себя за встопорщенный рыжий ус.

Вдруг он замолк. В глазах промелькнуло недоумение. Спросил тихо:

– Ну а чем же кончилась та печальная история?

– Чем надо, – степенно ответил Квочка. – Отдубасили мы пана на славу, натянули штаны и посадили на коня...

– Как же он сел?

– А он не сел – лег животом на седло, так и поехал.

– Холера ясна! Нет, стоило б поглядеть такую картину...

Ну а та женка, пан Квочка, кто она? Вы видели ее? Это, слушаем, не пани Зося, супруга пана Ястржембского из Залещиков?

– Нет, пан Мартын...

– Ты знаешь, как меня звать? – поразился Спыхальский. – Дзябол! Откуда?

– Как же! До сих пор помню все кодро пана маршалка.

– Но-но, не забывайся, с кем говоришь! – напыжился пан

Спыхальский. – Отвечай на вопрос!

– Я и отвечаю: нет, пан Мартын. К пани Зосе, как все знают, наведывались вы.

– Кгм... кгм... – закашлялся пан Мартын.

– А пан маршалок увлекался женкой пана Мартына...

– Цо? – подскочил пан Спыхальский.

Даже в тусклом свете свечи было видно, как покраснело его лицо, а глаза полезли на лоб. Ошалевшим взором он обвел подземелье. Несмотря на страшный, даже трагичный вид его, невольники не могли удержаться от громкого хохота.

– Цо ты сказал? – растерянно переспросил пан Спыхальский. – Неужто пани Вандзя...

– Про это тоже все знали, кроме пана.

Пан Спыхальский стиснул кулаки.

– Ты можешь дать мне слово чести? Хотя какое слово чести у хлопа... Ты можешь поклясться, что это правда?

– Как перед Богом.

– Проклятье! – воскликнул несчастный пан Спыхальский и стукнул закованными руками по каменной стене. – Проклятье! На кого же она меня променяла? Меня! Самсона! Геркулеса! На эту хилую дохлятину! На холодного гадкого змея!.. Тьфу!.. А пан маршалок! Как он всегда был добр и ласков ко мне! Теперь понятно почему. О Езус, помоги мне вырваться из этой турецкой земли, и ты содрогнешься от места, какую придумает пан Мартын!..

Он вдруг замолк и сел на пол. Бессмысленным взглядом

уоставился в угол, не обращая внимания на шум и смех, что звучали вокруг.

– Хватит вам зубы скалить! – прикрикнул Звенигора. – Гаси свечку! Спать пора. И ты, пан Мартын, ложись. Нашел время ревность разводить...

Спыхальский взглянул на казака, но ничего не ответил. Сидел молча, как окаменел. Постепенно в подземелье затих шум. Новоприбывшие невольники потеснились, чтобы дать место старожилам, которые с оханьем и руганью укладывались, утомленные работой за день, на тухлую, вонючую солому. Кто-то дунул на свечку, и сразу настала непроглядная тьма.

2

Рано утром надсмотрщики выгнали всех во двор. Было холодно и туманно. Невольники поднимали воротники, кутались в свои лохмотья, а новички – в еще невыношенную одежду, которая тоже пропускала пронизывающий холод.

Их выстроили в один ряд под стеной. Напротив стоял сам хозяин – Гамид. За ним несколько турок-надсмотрщиков. «Погонят на работу», – подумал Звенигора, гадая, куда пошлют его.

Когда надсмотрщики Осман и Кемаль заперли двери подземелья и стали с разных концов строя, Гамид подошел ближе, оглядел невольников и сказал:

– За побег – смерть! За непослушание – плети! За лень – тоже плети! Поняли?

Строй молчал.

Гамид презрительно скривил толстое носатое лицо. Тяжелый взгляд скользнул по нахмуренным рабам.

– Вот ты и ты, – Гамид ткнул пальцем в сторону Яцька и Многогрешного, – выходи сюда. Станьте отдельно там под деревом.

Яцько и Многогрешный отошли в сторону.

– А ты, запорожская собака, тоже выйди, – обратился он к Звенигоре. – К тебе у меня особый счет.

Позвякивая кандалами, Звенигора вышел вперед.

– Тот, кто только подумает о покушении на господина или надсмотрщика, умрет лютой смертью. Как этот казак... Но прежде чем умереть, долго будет пить горькую чашу... Осман, брось его вниз, в темницу.

Осман толкнул Звенигору ножами сабли:

– Иди, гяур!

Звенигора оглянулся на товарищей, на Яцька, который испуганно, как зверек, жался к ореховому дереву, со страхом ожидая решения своей судьбы. Увидит ли он их когда-нибудь еще, своих товарищей по несчастью? Может, ему, Звенигоре, суждено в домашней темнице Гамида найти свою смерть?

Осман перевел его через двор и перед ним спустился по крутым ступеням в глубокое подземелье. Тяжелым ключом

открыл окованные железом двери.

– Заходи! – И толкнул Звенигору в спину.

Звенигора очутился в узкой мрачной пещере. Тяжелый и спертый от нечистот воздух ударил в нос и перехватил дыхание. Пока Осман не закрыл дверей, успел заметить прикованного к стене человека. Трудно было определить его возраст: растрепанные седые патлы закрывали лицо. Должно быть, не один месяц, а может, и год провел этот несчастный здесь, куда не проникал ни луч света, ни человеческий голос, кроме голоса надсмотрщиков.

По спине Звенигоры поползли холодные мурашки: вот какую кару придумал для него Гамид!

Двери закрылись. Могильный мрак и могильная тишина окутали оторопевшего казака. С минуту царило молчание. Потом звякнули цепи, послышался тихий хрипловатый голос:

– Ты кто, друг? – Вопрос был задан по-турецки.

– Невольник.

– Болгарин? Иль, может, казак? Урус? – сразу спросил тот по-болгарски.

– Казак. Урус, – ответил Звенигора. Он обрадовался, что услышал болгарскую речь, которую хорошо знал и которая так напоминала его родную. – А ты кто, добрый человек? За что тебя приковали в этой могиле?

– Подойди ближе, я хочу почувствовать, что рядом со мной есть живой человек... Я хочу слушать твой голос, че-

ловеческий голос... Ибо здесь я уже, наверное, лет пять... Ты не представляешь себе, как это страшно быть одиноким, не видеть солнца и неба над головой, не слышать щебета птиц, шума горных потоков, весеннюю песнь ветра... Дай мне твою руку. О, какая она сильная и горячая! Это рука воина, твердая и честная... Слава Аллаху, что услышал мои мольбы и послал мне попутчика на моем тернистом пути. Мы поделим наше горе пополам, и оно покажется нам вдвое легче... Что это случилось, что Гамид вдруг решил посадить тебя ко мне?

Вопрос был неожиданным, и Звенигора не знал, что ответить.

– Может, он бросил тебя только на несколько дней, чтобы потом я еще с большей силой почувствовал одиночество? – размышлял узник. – Он способен придумать такое...

– Может, и так, – произнес Звенигора, вспомнив угрозы Гамида. – Думаю, что здесь я не долго задержусь...

– Но он ошибается, если думает меня этим сразить. Я уже ко всему привык. Ты вот спрашиваешь, кто я такой... Я странствующий дервиш²⁹, меддах...³⁰ По-вашему – кобзарь. За многие годы я обошел всю Османскую империю – от Евфрата до Дуная и от Крымских гор до могучей и славной реки Нил. Всюду мне были рады, так как я приносил людям песню и веселую шутку или рассказывал о древних ге-

²⁹ Дервиш – странствующий мусульманский монах-нищий (*перс.*).

³⁰ Меддах – у магометан странствующий сказочник, декламатор (*араб.*).

роях либо про далекие страны, где мне посчастливилось побывать. Только вот попал в руки Гамида...

– За что же это он тебя так, ага?

– О, это давняя история. Я расскажу ее тебе... чтобы она не умерла вместе со мной... Да и на сердце будет легче, когда изолью кому-нибудь свое горе. Но сначала позавтракаем. Я слышу шаги надсмотрщика.

Кто-то отпирал замок. Через минуту мелькнул тусклый луч утреннего света, и надсмотрщик внес две небольшие лепешки и ведро воды. Молча поставил посреди подвала и вышел, что-то бормоча.

– Глухонемой, бедняга, – пояснил меддах, откусив черствую лепешку и запив ее водой. – Это единственный человек, кроме Гамида, которого я видел в течение этих лет. Друг друга мы не понимаем. Ну а с Гамидом у нас были поначалу горячие споры... Теперь он давно не показывается.

– Так расскажи, ага, о нем и о себе, – напомнил Звенигора.

– Я не забыл, казак... Обязательно расскажу эту историю о том, что случилось со мной в болгарской Старой Планине. Воспоминания о тех событиях гнетут меня уже много-много лет... Присядь и слушай.

3

– Мы с Гамидом служили в одном конном полку, который стоял в средней Болгарии, – начал меддах. – Он был млад-

шим командиром. В двадцать два года уже занимал должность казнадара³¹, которую получил благодаря своему дядьке, чаушу³² беглер-бея³³. Хотя я был старшим, но случилось так, что мы с ним сошлись достаточно близко. Не подружались, нет. До этого не дошло, ибо, несмотря на молодость, Гамид был скрытный человек. Однако мы часто проводили время вместе за бутылкой ракии или за картами.

Насколько я знал, он не имел никаких доходов, как и я, жил скромно, тратя только то, что получить мог на службе. Мы завидовали тем, кто получал из дома большие суммы денег и жили как беи. К счастью, таких в полку было не много и они не очень растравляли наши сердца.

Жизнь наша текла спокойно и размеренно. Служба была не тяжелой и перемежалась гулянками в караван-сараях и ахчийницах³⁴ да разными проделками, на которые, признаюсь, я был большой мастак.

Но мы были аскеры, то есть воины, и в один миг все изменилось. Трубы и барабаны призвали нас в поход. Снова подняли против нас оружие – в который раз – болгары. Восстание вспыхнуло в Старой Планине, диких и малодоступных горах, пересекающих всю страну с запада на восток. Туда и послали наш полк.

³¹ Казнадар – казначей (*тур.*).

³² Чауш – чиновник для особых поручений, посланец (*тур.*).

³³ Беглер-бей – наместник султана, правитель области (*тур.*).

³⁴ Ахчийница – корчма, харчевня (*болг.*).

Я не буду рассказывать о том, как мы карабкались на неприступные утесы, переходили глубокие ущелья и обрывы, как вступили в бой с повстанцами и понесли первые потери. Скажу только, что за три недели мы насытились войной по горло, хотя она только разгоралась и не было видно ей конца.

Нам явно не везло. Гайдутины³⁵ хорошо знали свою родную страну и, пользуясь знанием местности и помощью горцев, нападали внезапно. Убивали с десятков всадников или выкрадывали наших коней и исчезали в лесных чащах или уходили по таким крутым и опасным горным тропинкам, куда мы не смели сунуться на своих конях.

Потом пришла беда. Гайдутины оцепили нас в одном ущелье, закрыли проходы из него – а было их только два – и начали понемногу подстреливать наших аскеров, которые неосторожно высывались из своих укрытий. Скоро наше положение стало нестерпимым. Несколько наших попыток прорваться закончились безуспешно – мы только несли большие потери. Начался голод. Все понимали, что без помощи нам не вырваться. Тогда паша собрал в свою пещеру старшин, стал вызывать добровольцев пробиться через заслоны гайдутин и доставить секретный пакет беглер-бею с просьбой о помощи.

– Пойдут два смельчака, – говорил паша. – Если их заметят гайдутины, один из них должен будет пожертвовать со-

³⁵ Гайдутин – повстанец, борец против турецкого ига (болг.).

бой ради всех нас и задержать врагов, а другой тем временем оторвется от них и с помощью Аллаха доберется до Загоры.

Не знаю, какой шайтан меня подтолкнул, но я встал и сказал:

– Я готов доставить пакет, почтенный паша!

– Похвально! – воскликнул он. – Я всегда ценил твою храбрость и преданность нашему наияснейшему султану, ага Якуб. Кто же будет вторым?

Он обвел глазами старшин.

Тут, неожиданно для меня, поднимается Гамид и заявляет, что он тоже согласен принять участие в этой рискованной операции.

– Если ага Якуб захочет иметь меня своим товарищем, я с радостью предлагаю свои услуги, – сказал он и добавил: – Я верю в свою судьбу, а в моей храбрости, думаю, никто из присутствующих не сомневается. Аллах нам поможет, и мы возвратимся со свежими войсками беглер-бея.

Умиленный старый паша, должно быть не очень надевшийся на способность своих старшин к самопожертвованию, даже приподнялся с мягкого миндера³⁶, чтобы обнять Гамида.

– Никогда не померкнет солнце ислама, ибо он имеет таких мужественных и преданных защитников! – воскликнул он. – Я верю в вашу счастливую звезду, светочи моих глаз! Мы все надеемся встретить вас живыми и здоровыми через

³⁶ Миндер – подушка для сидения (*тур.*).

три-четыре дня, когда вы приведете сюда войска беглер-бея.

Он отпустил всех старшин, дал мне пакет, как старшему по чину, сказал пароль на все дни, пока нас не будет, и снова пожелал счастливого пути.

Несмотря на то что в ту пору с вечера до самого утра светила луна, мы с Гамидом, как только стало темнеть, вышли из лагеря, перебрались через горный хребет и потихоньку начали спускаться по его противоположному склону в долину, поросшую вековым лесом. До сих пор не знаю, посчастливилось ли нам скрытно пробраться мимо гайдутинских застав, или они следили за нами, решив схватить позднее, подальше от лагеря, чтобы наши не знали, но, как бы там ни было, мы отошли от ущелья на фарсах³⁷, а то и на полтора, никого не встретив. Я уже начал верить, что нам посчастливилось и мы в тот же день вечером благополучно доберемся в ставку беглер-бея.

Шли мы по узкой дорожке. С обеих сторон темнел буквый лес, а выше, в горах, – ели и сосны. Круглая луна катилась между гор по густо-синему небу. Дышалось легко. Свежий ночной воздух был настоян на роскошных запахах высокогорных лугов и лесов.

Вдруг позади нас затрещали кусты и кто-то крикнул по-болгарски:

– Стойте, турецкие собаки!

Другой голос повторил то же самое по-турецки.

³⁷ Фарсах – мера длины, равная 4 км (*тур.*).

Прозвучал выстрел из янычарки³⁸, но пуля не задела ни меня, ни Гамида.

Я быстро передал пакет Гамиду.

– Беги! Я задержу их! – шепнул ему, вытаскивая из-за пояса пистолеты и поворачиваясь лицом к невидимым врагам.

Но в этот миг сзади прогремел выстрел. Мне что-то тупо ударило в спину. Падая, я повернулся и увидел, что в руке у Гамида дымится пистолет. «Неужели это он выстрелил в меня? – мелькнуло в голове. – За что? Что я ему плохого сделал?» Я хотел крикнуть – и не смог. Ноги подкосились, все поплыло вокруг, луна на небе будто взбесилась: запрыгала, замелькала, потом покатила вниз – прямо на меня... И я упал.

Последнее, что услышал, были слова Гамида. Он кричал гайдутинам:

– Не стреляйте! У меня для вашего воеводы важные вести!

До сих пор эти слова звучат в моих ушах, будто слышал их только вчера. Многое ушло из моей памяти, забылось. Даже стерлись образы близких и родных мне людей. А эти слова изменника навеки врезались в память.

Проснулся я от острой боли в груди и долго не понимал, где я. Открыл глаза, оглянулся.

Лежал я на красивой деревянной кровати в небольшой

³⁸ Янычарка (*укр.*; производное от «янычар») – ружье, которое было на вооружении у янычар.

темной комнате, стены которой были выложены из серого дикого камня. Высокое узкое окно в противоположной стене напоминало бойницу замка. Да это, наверное, и была бойница. Толстые дубовые двери не пропускали в комнату ни одного звука.

Что со мною? Где я? Среди друзей или среди врагов?

Я не мог ответить на эти вопросы и лежал пластом, так как от малейшего движения боль разрывала грудь.

Потом снова впал в забытие. А когда очнулся, то увидел возле себя мальчика лет пяти-шести. Он стоял у кровати и внимательно рассматривал меня. В его блестящих черных глазенках любопытство боролось со страхом. Когда он заметил, что я проснулся и смотрю на него, то хотел убежать, но, очевидно, любопытство победило, и мальчик остался.

На нем была красная бархатная курточка и черные с застежками ниже колен штанишки. Белый воротничок шелковой сорочки оттенял нежный загар детской шейки. Все в нем было по-детски мило, наивно. Его правая рука ниже локтя была обвязана куском белого полотна.

– Кто ты такой? – спросил он меня по-болгарски.

Из этого я заключил, что я у болгарских повстанцев – гайдудинов.

– Меня звать Якуб, – ответил я по-турецки. – А тебя?

Мальчонка тоже перешел на турецкий язык, да еще такой изящный, чистый, что я засомневался в прежнем выводе.

– А меня – Ненко, – ответил он и добавил: – Я – гайдутин!

А ты?

Теперь сомнений не было. Детская непосредственность развеяла их как дым. Итак, я в руках гайдутинцов, и меня лежат, перевязывая таким же белым полотном, как и мальчишка, – вероятно, для того, чтобы потом допросить и подвергнуть нечеловеческим пыткам. Это открытие вконец испортило мое настроение, но я, не показывая этого, ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.